

Лариса Осокина

ТАЙНА МОРЯ

рассказы • фантастика • побасенки

Иркутск
2012

УДК 882-1
ББК 84Р7-5
О 75

Редактор: Л.В. Петрякова
Художник-иллюстратор: Рената Яковец

О 75 **Осокина Л.И.** Тайна моря. – Иркутск,
Отгиск, 2012, – 108 с.

© Осокина Л.И., 2012

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Выходит в свет четвёртый сборник Ларисы Осокиной «Тайна моря». Прежние книги разошлись быстро. Значит, востребованы читателем, который с нетерпением ждёт и нынешнюю. А почему? Особенность рассказов автора в том, что они небольшие по объёму. Вместе с тем ёмкие, бьющие точно в цель – человеческую совесть. Написаны простым, доступным языком. Однако раскрывают достаточно полно совершенно разные характеры, мотивы действий и их последствия в жизни героев и близких им людей. Её рассказы – уроки окружающей нас действительности, времени; бытовые неурядицы, которые создаём вокруг себя мы сами. Примером тому «Уходи, тучка», «Курортный роман», «Слёзы на розах» и другие из первого сборника «Превратности любви». Читаешь порой похожие по тематике произведения иных авторов и чувствуешь их отстранённость от собственного повествования о судьбах людей, а то и досадную и неуместную назидательность. А ведь выводы для себя каждый должен сделать сам.

Осокина же пишет, пропустив сюжет каждого рассказа через собственное сердце. Поэтому читатели вместе с автором радуются за счастливых, жалеют незадачливых, ужасаются страшными поступками героев. Такая передача своего жизнен-

ного багажа для писателя, на мой взгляд, самая удачная. Особо хочу отметить язык этих рассказов. Он очень прост, но предельно точен. И что особенно сегодня важно, – он истинно народный, свой. А потому понятен и доступен любому.

Вторая книга «Перепутье» по сути и тематике продолжение первой. Но отличается от неё более углублённой направленностью в общечеловеческие проблемы. Лучше об этом сказала сама автор во вступительном слове: «Человек – существо странное. Он редко задумывается о том, правильно ли живёт. То есть у нас телега всегда впереди лошади стоит. И всегда мы на перепутье. А когда случается беда, тогда и мозги начинают работать в нужном направлении. Но, как говорится, близок локоть, да не укусишь...»

Жанр короткого рассказа сегодня, как никогда, востребован. Интерес к повестям и романам в наше быстрое время пока, видимо, приостановился. Молодёжь, большей частью, сидит в Интернете, люди в возрасте заняты дачными делами, дабы помочь своему скромному бюджету. Некогда всерьёз задуматься о жизни, о превратностях любви, о перепутьях человеческих судеб и других, не менее важных, вопросах. Но вот, торопясь на электричку, любой вполне может взять в дорогу такую небольшую книжицу – вроде время скоротать. И вдруг... глядишь, человек откроет для себя вещи жизненно простые и поучительные, которые ненавязчиво заставляют каждого наконец-то задать себе вопрос: а правильно ли я живу и чего на самом деле хочу...

Именно во второй и третьей книге «Валун у калитки», да и в нынешней «Тайна моря» собрана

вся правда сегодняшнего нашего бытия, его перекосов. В них – душевная боль автора за исковерканные судьбы людей, за их ненужность не только современному миру, но и подчас даже близким родственникам; за распад семьи, уход из жизни тех, кто не выдержал испытаний.

«Тайна моря» стоит особняком. Это книга для семейного чтения. Здесь собраны рассказы разных тем и жанров. В том числе фантастика, сказки, побасенки. Сказки вообще необычные: вроде проза, но... имеет ритм и рифму. Насыщены русскими пословицами и поговорками. Читаешь и словно слышишь напевный голос народного сказителя. Этим же отличаются и побасенки, которые написаны вроде с юмором, но несут в себе серьёзные уроки нравственности.

Своеобразна и фантастика. Два рассказа «Тайна моря» и «Кино из окошка» как бы являют собой продолжение реальной дивности, которая для живущих и часто бывающих на Байкале, уже стала обычным явлением. Так, многие слюдяницы давно наблюдают присутствие в их небе светящихся объектов неизвестного происхождения, необычные явления природы, особенно связанные со Священным озером. Не случайно во время презентации книги «Валун у калитки», где Лариса Ивановна озвучила рассказы из будущего сборника, читатели подсказали, что её видение тайны моря в какой-то степени совпадает с видением великого сибирского писателя Валентина Распутина. В его книге «Байкал предо мною...» есть эпизод о том, как он увидел на дне озера у Порты Байкал странный город. Я нашла и прочла эту книгу. И была удивлена общностью взглядов

на сущность Байкала, значение его для мировой цивилизации. Валентин Григорьевич увидел город под водами озера, Ларисе Ивановне город и живущий в нём народ навеяло наитие. Написанное настолько правдоподобно, что хочется верить в реальность... Тем более сегодня уже учёные говорили о многомерности мира и жизни, о которой мы и не подозревали. И Байкал здесь стоит на особом счету. Он живой и разумный, способный защищаться и защищать. Это красной нитью проходит через многие рассказы Осокиной, в том числе фантастические.

Поэтому хочется сказать одно: в добрый путь, новая добрая книга неординарной писательницы Ларисы Осокиной.

**Лидия Петрякова,
Член Союза писателей РФ.**

Оберег

Лидия Ивановна в сегодняшний выходной решила «почистить» шкаф, что прячется в кладовке. Давно сюда не заглядывала. Поди, много чего накопилось. Начала с верхней полки. Там старые книги, альбомы с фотографиями, газеты. Всё это пошло на сортировку на пол. Усевшись рядом, женщина первым делом сложила стопкой газеты, чтобы перевязать и отправить в утиль. Взяла в руки альбом. Родительский, в бархатной обложке. Раскрыла наугад страницу. Там отцовские фото с фронта. Морским десантником всю войну прошёл. Она ласково погладила фотографии, словно они могли почувствовать её любовь к родному человеку. Вздохнула. Уже сама бабушка, но как же не хватает ей присутствия родителей, их заботы. Лидия Ивановна перелистала ещё несколько страниц.... И вдруг увидела на одной двойной листок в линеечку. «Да это ж папино письмо! Так и есть». Она не спеша начала читать. И воображение увело её в далёкие военные годы.

«...Скоро наступит день второго моего рождения – 9 мая, День Победы. Я и не мечтал, что живым вернусь домой с этой кровавой бойни. Уходил на фронт с тяжёлым сердцем: «мамульку» оставил больной, сыночка маленьким...»

Морячки стояли на плацу сборного пункта. Все, как на подбор – рослые, подтянутые, красивые. Им бы только в параде участвовать, а они уже два месяца ждут не дождутся отправки на фронт. И он – Иван тоже ждёт.

– Р-равняйсь, смирно!

Шеренга замерла в строю, как по струнке. Командир громко зачитал приказ: «Завтра отправляемся в Батуми на пополнение восьмой морской бригады. Затем – в Севастополь. Задача ясна»?

– Так точно, товарищ командир.

– Тогда – р-ра-зойдись!

– Слушай, Вань, не страшно тебе в бой идти? – Спросил Петро друга. – У меня чевой-то коленки трясутся.

– Ты меньше думай об этом. Фашиста надо гнать. Мы его на свою землю не звали. И гнать так, чтобы от него и духу не осталось. Война только началась, а сколько горя уже посеяла. Земля горит, люди гибнут. Автомат надо в твёрдых руках держать. Двум смертям не бывать... Так что не бойсь, братишка, выстоим.

Однако приказ быстро поменялся. Только добрались новобранцы до Тбилиси, как тут же получили указание отправиться в Потю в запасной батальон: он должен был обеспечить оборону на случай нападения турок. Морячки потихоньку роптали: «Там фашист всю беснуется, а нас в запаску. Скорей бы на фронт, руки чешутся...» Но человек предполагает, а судьба по своим дорожкам каждого разводит. Вот и Потю.

– Соколов, Иван! Опять, значит, вместе?

– Митька, Шерегов! Вот, чёртушка, где встретились... Здорово!

– Ведь учились вместе. Я на сигналиста, ты, кажется, на моториста?

– Так точно.

– А меня прислали к вам в роту политруком. Так что снова в паре. Повоюем.

– Долго нас здесь держать будут?

– Нет. Сейчас отберут людей – пойдём в Батуми. С остальными потом решат.

«...По какой-то неизвестной мне случайности в эту отобранную группу я не попал. Моих товарищей погрузили на корабль и отправили по назначению. Через две недели стало известно, что восьмая бригада по пути к Севастополю была разбита в открытом море. Погибли все. И мой друг Шерегов тоже. Я тогда подумал, видно, есть у меня ангел-хранитель, который убереёт от неминуемой смерти...»

1943-й год. Иван уже, как говорят, обстрелянный воробей. Дрался храбро, пулям не кланялся. В атаку вставал в первых рядах. Да и не было среди морских десантников трусов. На врага шли таким плотным натиском, что фрицы предпочитали драпака. А морячков звали чёрной смертью. И действительно, в чёрных бушлатах и шапках, с автоматами наперевес они, не ведая страха, давили фашистов, как блох.

Рота Ивана готовилась к высадке на Малую Землю для подкрепления отряда Кунникова. Свет керосиновой лампы тускло освещал помещение. Бойцы чистили форменки, драили пуговицы, штопали, чинили. Понимали, каким будет завтрашний день. Петро тихонько играл на баяне довоенный вальс. Иван писал письмо домой. О

предстоящем броске ни слова. Только «Всё хорошо, жив – здоров...»

«...Четыре раза выводили нас на катерах в открытое море. Но что-то мешало двигаться в заданное место, и мы возвращались на базу...»

Судьба опять подарила морячку жизнь. Не попал он в мясорубку на Малой Земле. Первым лихим стал январь 1944-го, когда проводилась Керченская десантная операция. Там героически сражалась Иркутская дивизия. Не щадили живота своего. К этому времени в живых осталось сорок человек. Вот и бросили морской десант для пополнения. Хороший «замес» получился.

«...Там и догнала меня первый раз фашистская пуля: ранение и контузия. Сильно помяло позвоночник. Обидно было лежать в медсанбате, зная, что твои товарищи на передовой. Как только сняли со спины шины, стал ходить хорошо – отказался ехать в госпиталь для выздоравливающих. Ушёл в часть. Ведь каждая птица летит в свою стаю. Ещё одно ранение получил под Севастополем. И тоже лечился в своей санчасти. Не любил я госпитали. Уж лучше «дома», со своими...»

Сентябрь 1944-го. Корабли с десантом вышли из Одессы. Иван со своим взводом расположились в кормовой части. Никто не знал, куда их везут. Оттого сидели понурые и злые. Ночь выдалась холодная. Хорошо хоть на море штиль, а то бы на ветру задубели. Бойцы скучковались плотно. Так теплее. Да и страха меньше, когда чувствуешь друг друга. Оно бы поспать чуток, пока время есть... Но глаза почему-то внимательно вглядываются в

сырую темень. Наконец забрезжил рассвет. Показался маяк Констанции в Румынии.

«...Наш корабль шёл головным. Впереди на горизонте появилось румынское судно. Мы насторожились. Корабль сбавил ход. И тут я увидел вдали бурлящую воду от выпущенной торпеды, которая напрямиком шла на нас. Я закричал: торпеда по борту, торпеда. Наш тральщик быстро свернул вправо, и «змеюка» прошла вдоль кормы, не задев. К сожалению, она попала в машинное отделение следовавшего за нами корабля. Его разорвало пополам. Там были штаб батальона, санчасть, разведка... Погибли, обгорели, получили увечье двести человек. А меня мой ангел-хранитель опять уберёт от беды...»

– Вот оказывается как, – подумала Лидия Ивановна. – Отец об этом никогда не рассказывал. Вообще не любил о войне говорить. Сильно расстраивался, жалея погибших друзей. Письмо написал, видимо, незадолго до смерти. Нам на память, чтобы помнили. Впрочем, погоди... один эпизод я знаю. Это как раз про ангела-хранителя.

Иван торопливо шёл по незнакомому румынскому городишку. Он возвращался из медсанбата, разыскивал свою часть. Сложное это было дело. Фашисты устроили сплошной обстрел. От разрыва снарядов не виделось небо. Вокруг едкий тёмно-серый туман, оранжевым пламенем взрывающийся то здесь, то там. Вдруг впереди недалеко взметнулся сноп огня. И так ухнуло, что моряк упал на землю. Очухался, ощупал себя: руки – ноги целы, жив. Он встал. Сильная боль

давила голову. И тишина... Вокруг бесновались разрывы снарядов, яркими сполохами пробивая дымную завесу, но всё было, словно в немом кино. Тишина... Иван схватился за уши. Руки облепила густая клейкая жижа. Кровь. «Контузило, – подумал он. – В таком состоянии искать свою часть невымыслимо. В санбат возвращаться далеко и тоже не безопасно. Надо переждать. Потом санитары всё равно найдут».

Справа он увидел дом. Добротный, красивый. Как он ещё уцелел в такой «карусели»? Моряк зашёл внутрь. После уличного кавардака ему показалось, что попал в сказку. На полу ковры, на стенах картины. А какая в шкафу посуда! Никогда в жизни такой не видывал: нежная, изящная. «Где же спрятаться и сесть»? Он осмотрелся. И всё-таки шкаф. «Простите, хозяйева, что добро ваше гублю. Война». Прикладом автомата он вышиб две нижние полки. Посыпалась, разлетаясь по полу искрящимися осколками, хрупкая посуда. Иван поудобнее устроился в нише... и тут заметил под сколом не то фотографию, не то открытку. Рука сама потянулась к ней. На сером глянце светилось изображение Пречистой Девы Марии. У неё в руках сделанный из деревянных полешек крест с распятием. Боец сдунул осевшую на неё пыль и, заскорузлыми пальцами расстегнув карман форменки, положил находку рядом с партбилетом. «Пусть моим оберегом будет. Вместе повоюем. Нельзя её здесь оставлять».

Вернувшись с Победой домой, Иван действительно уверовал, что его от смерти спасла Дева Мария. Он бережно хранил открытку в старинном, доставшемся ещё от деда евангелии. «Точ-

но, – подумала Лидия Ивановна, – это и есть отцовский обсерватор. Теперь храню его я». Она достала уже свой альбом. Раскрыла первую страницу. На ней семейная фотография: мама, папа и она – пятилетняя Лидочка. А рядом – открытка с Пречистой Девой.

– Ангел или не ангел... – вслух сказала она, – но сильные духом были люди. В глаза смерти смотрели, не ведая страха. Оттого и отстояли Победу. Вечным памятником для всех поколений будет их жизнь и подвиг...

Зойкино оружие

Издrevле известно, что когда враг приходит на твою землю, для борьбы с ним любые средства хороши. И все, что есть под рукой, может послужить хорошим оружием. Историю эту рассказал мне мой отец, а ему его тетка Зоя, которая и стала героиней этого повествования.

Жила она в деревне. Во время Великой Отечественной войны была связной между местными подпольщиками и партизанами. Оттого частенько навдывалась в лес. Зимой вроде за хворостом, летом – по грибы, да ягоды. А в потайном кармашке всегда лежало донесение. Как-то февральским днем отправилась Зойка к партизанам с очередными разведданными. Оружия при себе: ни –ни. А тут, как любому живому человеку, приспичило ей по малой нужде. Села за кустик... вдруг видит, почти рядом, за другим кустом, фриц штаны сни-

мает, приноравливается, как присесть поудобнее. Автомат подальше к дереву прислонил.

- Чем же его кокнуть? - Думает Зойка, потихоньку натягивая немудреную одежонку. - Снег плотной пеленой все закрыл, ни камушка не видно. Ветку ломать, антихрист услышит. С мужиком, даже безоруженным, щупленькой женщине не справиться. Что делать? «Удача нахрап любит», - вспомнила она любимое выражение отца.

И тогда сняла она с ноги огромный, уже разов пять подшитый дедом валенок, размера эдак сорок третьего, и потихоньку, чуть дыша, двинулась к солдату. Сзади огрела его по голове этой обувкой, вложив в удар всю свою накопившуюся ненависть к фашистам. Фриц, так и не успев натянуть штаны, рухнул лицом в снег. Зойка, не мешкая, рысью бросилась к автомату и направила его на врага. Тот, придя в себя, бестолково смотрел на девуку, закутанную в большой платок, в огромном не по размеру валенке (второй валялся возле него) и с его оружием в руках.

- Хенде хох! А ну натягивай свои паруса и айда вперед. Чо зенки- то пялишь? Шнелле, говорю. Не пойдешь, пристрелю, - и она потрясла автоматом.

Что оставалось фрицу? Против оружия не попрешь. А эта сумасшедшая ведь стрельнет, они здесь за каждым деревом что ли? Пошел «язык» вперед, куда ему указали, находу натягивая штаны. Довела его - таки Зойка до базы. Картина, конечно, явилась перед партизанами комическая. Впереди солидный усатый фельдфебель, за ним в одном валенке с автоматом наперевес худенькая женщина, обмотанная клетчатым платком.

– Вот, примите, – сказала она и потеряла сознание.

Надолго в этот раз пришлось задержаться связанной на партизанской базе. Обмороженную ногу лечили. Зато «язык» оказался ценным и разговорчивым. За это, а еще за смелость и находчивость Зойке потом награду выдали.

Прошли годы, зарубцевались раны. Зойка, когда-то молоденькая партизанская связная, стала Зоей Васильевной. Дом у неё с садом. Семьёй как-то не обзавелась. Соседи роднёй были. Но вот беда случилась: однажды легла спать, а на утро встать не сумела – ноги отказали. То ли из-за отморожения в войну, а, может, на нервной почве, как сейчас говорят. Просидела тётка Зоя сиднем лет пять. Лечили её и в районной, и в областной больницах – бестолку. Потом вообще отмахиваться стали, мол, в пожилом возрасте ничего уже не поможет. Задело такое отношение отца моего, тоже бывшего фронтовика: «Как это можно героя войны в беде оставить? Не повесили ей на грудь звёздочку золотую? Так на всех золота не хватило бы. А что геройская была девка, всё село знает, особенно кто в подполье работал или в партизанах дрался». И решил отец во все двери чиновничьи стучать, помощи просить. Не допросился. Но не сдался. Написал он обстоятельное письмо в Кремль бывшему тогда Секретарём ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу. Обо всех подвигах этой мужественной женщины рассказал. Попросил содействия.

Уже ни на что хорошее не надеялись, как радостная весточка пришла. Прислали за Зоей Васильевной медицинский вертолёт. Провожали в

дорогу всем миром. Кланялись низко, да здоровья желали. Даже местный батюшка Никодим благословил крылатую птицу, чтобы путь был удачным.

Поместили бывшую партизанку в Московскую клинику. Три операции перенесла. Вернулась уже на своих ногах, правда, с тросточкой. Вот тогда вырезала Зоя Васильевна из журнала цветную фотографию Леонида Ильича и повесила рядом с иконами, чтобы ловчее было молиться сразу всем и благодарить, что дали ей возможность на собственных ногах ходить. Долго ещё жила тётка Зоя. В 120 лет отошла в мир иной...

Вот какие женщины есть в русских селеньях!

Апокалипсис

Здравствуй, мой дорогой друг Петро! Низкий поклон и жене твоей Таисье Семёновне. Живите, не тужите. Рад я за тебя, Петро, что потихонечку, хоть на костылях, но начал ты ходить. Даст Бог, хорошо на ноги встанешь. А я вот опять письмецо тебе пишу. Поговорить-то шибко не с кем. В нашем подъезде одни бабы остались. Померли мужики-то. Я вот ещё белый свет копчу. А поделиться хочется. Уж больно душа горит. Знаю, ты меня поймёшь. Ты всегда за справедливость стоял.

Так вот, поехал я в День Победы в Усолье. Дружков, с кем работали и кого в последний путь провожали, проведать. Две могилки только и нашёл. Почистил, убрал мусор, цветами украсил.

Слова добрые сказал им. И пошёл... к приятелю, у которого остановился. Иду по главной аллее, где раньше большинство химвромовских покоилось. Куда они подевались – не знаю. Только высатся теперь по обе стороны мраморные, да гранитные «высотки» – памятники с аляпистыми украшениями. Здесь уже приют новых россиян и выходцев ближнего зарубежья. А за ними с боку, как чахлые деревья, жмутся друг к другу старые облупившиеся коробки и треноги, заросшие пожухлой травой. Кое-где богатые, меняя у своих цветы, кинут старые на вросшие в землю скукоженные могилки, чтоб до мусорного ящика не топать. А ведь на этих проржавевших коробках красные звёзды горят. Нет на многих фотографий, надписи стёрлись. А звёзды горят. Значит, тот, кто здесь покоится, Родину на фронте защищал или в тылу помогал Победу завоёвывать. А им вот какая почесть. Потом гляжу, один такой памятник уже выкопали и подготовили к выносу. Видать, какому-нибудь «денежному мешку» место понадобилось престижное.

Не по себе мне стало. Сделал военкомат на кладбище аллею ветеранов скорей для отвода глаз и для отчётности. Ведь сам знаешь, Петро, ветераны по всему кладбищу похоронены. А их и здесь поделили на плохих и хороших. Вообще вот, где работа для военкомата и местных краеведов. Нет надписи – ищите, кто и когда... Школьников привлекайте, чтобы о пращурах заботились. Им не мрамор нужен, а память. Коробки с треногами вполне покрасить можно. Раз в год и цветочки подновить городу под силу. Так нет, краеведы за тридцать земель лучше будут разведывать. А у

себя под носом неизвестных героев не видят. Ох, Петро, обидно мне. Ведь народ, уничтожающий своё прошлое, обречён на забвение. Неужели никто этого не понимает?

Пришёл я к приятелю (Виктором его зовут) расстроенный. Рассказал, что видел. А он и не удивился. «Эх, Василий, – говорит, – время такое, когда ни живым нормальной жизни, ни мёртвым покоя и почести. Ты что только вчера на свет родился»? И узнал я, старые-то памятники – и со звёздами, и без них – давно уже потихоньку сносят. На чьих-то костях хоронят тех, кто кругленькую сумму заплатит. Святотатство, да и только. Обидно, что вопиющее безобразие ничью душу не трогает. Вот это, на мой взгляд, и есть апокалипсис, о котором столько разговоров. Самый настоящий, когда в людях всё человеческое вырождается.

Грустное письмо получилось, ты уж прости. Но от горькой правды никуда не уйти, не спрятаться. Ещё раз извиняйте. До свиданья. Держитесь, не болейте.

К сему твой друг Василий Ферапонтов.

Ночная тревога

У мужа Веры Васильевны был катер. Хороший, на катамаране, да ещё и с кабиной. Летом постоянно плавали они всей семьёй по Ангаре. Остановятся у островка – здесь тебе и ягоды, и грибы. И поплавать можно – в заливы вода не холодная. Имея такой транспорт, решили они

у Бархатовских копей попробовать немного картошки посадить – хоть на первое время в охотку поесть молоденькой. Взошла. И неплохая. Ухаживали, обрабатывали. А потом стали замечать, что убавляется их урожай ежедневно. То ли рыбаки надыбали, а может бездомные прикормились...

– Всё, – сказал Сергей, – нечего чужаков своим трудом кормить. Надо выкопать самим и всю.

День выдался тёплый, солнечный. На промысел поехал Сергей со старшей дочерью – четырнадцатилетней Ниной.

– Управитесь вдвоём? – спросила Вера.

– А то. Два мешка – больше не наскребём. Вдвоём потихоньку погрузим. Не волнуйся.

К вечеру погода стала портиться. Солнце спряталось за тучи, ветерок подул. Заволновалась хозяйка: «Скорей бы вернулись добытчики». Время шло. Стемнело. Ветер окреп, превратившись чуть ли не в ураганный. Тут уж Вера Васильевна совсем перепугалась. Накормив маленькую дочурку, она уложила её спать. Сама не отходила от окна – вдруг покажутся две знакомые фигуры. Увы.

Уже и ночь на дворе. Поняла Вера, что-то случилось. Заметалась по комнате, потом бухнулась посередь на колени, опустила голову до пола и запричитала: «Боженька, миленький, если ты есть, спаси от беды моих мужа и дочку. Не дай им погибнуть. Забери мои силы, огонь моего сердца – отдай доченьке. Мала ещё. Ничего тёплого на ней нет, замёрзнуть может». Подняла голову, подумала: «А если у друзей – соседей помощи поискать? Только бы донесли до лодочной станции. Должна быть там спасательная команда»... Недолго думая, побежала в соседний дом. Видела с

балкона, что друзья спать укладывались. Но ради такого случая... «Гараж рядом, что стоит добросить». Позвонила в дверь несколько раз – тишина. Потом постучала. Никто не подошёл. Заплакала Вера навзрыд:

– Как там моя кровиночка? Поди в холоде замерзает...

Пошла к соседям по своему подъезду. И звонила, и стучала. Никто не вышел. «Вот так, убивай на площадке безвинного человека, ни одна душа не откликнется, не поможет, – подумала женщина. – Чёрствыми стали люди». Ночь проплакала она, стоя у окна. Чуть забрезжило, упаковала в сумку тёплое бельё, термос с горячим сладким чаем, взяла деньги – все, сколько было дома, и пошла на автобусную остановку.

Сергея и Ниночку непогода застала, когда уже погрузились и готовились отплывать. Но внезапный шквальный ветер откуда-то пригнал по Ангаре два тяжёлых бревна, закрыв лодке выход. Долго пробовали отец с дочерью от них избавиться, но только хуже получилось – брёвна с двух сторон «припаяли» катер к берегу, и сдвинуть его с места не было никакой возможности. А тут ещё дождь проливной пошёл. Спрятались Сергей с Ниной в кабине. Одели спасательные жилеты, чтобы хоть чуточку теплее было. Отец закутал девочку в коврик, который брали с собой валяться на песке. Очень хотелось есть. Пробовали костёр развести, чтобы сварить или испечь картошку, не вышло. Пошарились в бардачке – вся добыча несколько конфет и четыре пряника. Подкрепились. Решили поспать до утра. Но холод донимал так, что впору было выть...

Вера Васильевна прибежала на лодочную станцию вовремя – только стали возвращаться с ночного промысла рыбаки.

– Не видали мужчину с девочкой на катере?

И так – к каждому. Наконец приплыли её знакомые. Бросилась к ним.

– Не переживай, – сказал Павел Григорьевич, – видел, как мужчина и девочка тянут лодку вдоль берега. Видно, сломалась она.

– Миленькие, родненькие, – упала Вера перед ним и его женой на колени. – Помогите. Я заплачу, сколько скажете. Только возьмите их на буксир – и сюда. Девочка ведь заболеть может, в одном сарафанишке.

– Убери деньги. Я бы привёз, бензина в баке почти нет.

– У нас в гараже есть. Довезите их только. Муж всё отдаст.

Через полчаса она обнимала своего дрожащего, как осиновый лист, ребёнка. Сразу переодела во всё тёплое и налила горячего чая. Ту же процедуру прошёл и муж. А уже дома, отогрев их под горячим душем, накормив сытным обедом и заставив выпить по рюмке водки и таблетке аспирина, Вера отправила их спать. А сама села за стол и снова расплакалась, вспомнив всё пережитое. Только, отойдя немного, поняла, как страшно потерять родных и любимых людей, за которых, не раздумывая, отдала бы свою жизнь.

Грешники

— Ой, как болит желудок, — стонала, скорчившись, на широкой постели Анна. — Будто все мои кишочки туда перешли и там ворочаются. Терпежу никакого нет...

— А ты, родимая, потерпи. Сейчас сестричка прибежит, укольчик сделает, сразу полегчает, — успокаивала её мать Антонина Васильевна. — Ты сама себе говори, что всё хорошо будет. Оно и обрзуется.

После укола Анна забылась в беспокойном сне. А мать, наскоро прибрав в комнатах, села к окну, чтобы, глядячи на дворовую суету, отогнать от себя тяжёлые мысли, да осушить глаза от слёз. «Молода ведь ещё дочка. Жить да жить, а тут, будь он неладен, рак прицепился. Зачем только связалась с этим идолом? Одна нервотрёпка. От неё все болезни. Ну, красивый этот Витаха, видный... Так ведь этим семью-то не построишь, коли женился не по любви. Ой-ёй-ёй! Если б нас, стариков, больше слушали»...

К вечеру Анны не стало. Как положено, обмыли, обрядили, в гроб положили, свечи зажгли. Родичей, кроме матери, да пятнадцатилетнего сына Антона нет. Услав мальчишку спать, Антонина Васильевна пристроилась на диванчике возле последнего ложа единственной дочери. Решила побыть с ней до утра. Сказать недосказанное, поплакать, насмотреться напоследок на родное лицо.

А души Анны уже не было дома. Оглядев последний раз бывшее жилище и пожалев на минуту оставленных мать и сына, она устремилась

ввысь к какому-то мигающему, как маяк, пятну. На удивленье оно оказалось помещением, хотя весьма необычным. Без дверей и окон. Но попасть туда было просто. Войдя, или скорее влетев, она осмотрелась и ахнула.

- Вы как здесь? - Удивилась она, увидев сидящих на скамейке давно умерших своего мужа и его поллюбовницу Верку, из-за которой, как она считала, и начались в их семье все неприятности. - Что это за помещение такое?

- Садись рядом, - пригласил жену Виктор. - Тебя ждем, который год. Здесь - изрок. Каждый умерший через него проходит, ибо людской суд бывает и ошибочным. А уж после определяют, кого куда отправить. Тут порядки строгие.

Верка молчала, теребя махры платка, которым обряжали её в день похорон.

- Да-а-а, - удивилась Анна. - Не ожидала, что в такой день свидеться доведётся.

Тут распахнулась дверь, и наверное праведник в белом балахоне, махнув рукой в сторону комнаты, пригласил их войти. Помещение, в котором они оказались, небольшое, ярко освещенное, хотя светильников не видно. Возле стен лавки, как в русских избах. У одной - большой стол, за которым восседал глубокий старец. Длинные седые волосы, такие же усы и борода. И белое одеяние. Глаза цепкие. Глянет, будто всё про тебя враз узнает.

- Витаха, - толкнула Анна мужа, - апостол это или святитель?

- Тихо. Исповедник, наверное.

Старец вытащил из под столешницы какую-то папку, положил перед собой и сказал:

– С кого начнём? Пожалуй, с тебя, Виктор. Оно будет по – справедливости. Ведь вашу историю как раз ты и начал. Рассказывай.

В мыслях Витахи сразу всплыл тот памятный день. Первый в Союзе фестиваль молодёжи и студентов. Они – юные, полные сил слонялись от одной группы к другой, вместе со всеми пели песни, обменивались значками. Случайно увидели на берегу Москвы-реки лодчонку. Кто пригнал её к суше и привязал к дереву? Может, на ней катались... Только именно это судёнышко натолкнуло на нехорошую мысль. И сразу всех друзей.

– Вон сколько купающихся, – сказал Славка. – Давайте сопрём несколько джинсов. Переправимся на другую сторону, и поминай, как нас звали. А брючата после фестиваля «толкнём». Приличную цену дадут.

Друзья быстро собрали пять джинсов и две, показавшихся им стоящими, рубах и бросились бегом к лодке. Погрузились и поплыли. На берегу началась суматоха. Виктор, налегал на вёсла, напрягал все свои силы, чтобы скорей убежать от приближающейся беды. Милицейский катер догнал беглецов недалеко от противоположного берега. Их доставили в отделение милиции. Ограбление иностранных граждан, да ещё в сговоре, долго не разбиралось. Выдали друзьям путёвки в места не столь отдалённые на приличные сроки. Виктор попал в Иркутскую область. И не сидеть затворником в тюремной келье, а в полную силу вкалывать на огороженном колючей проволокой кирпичном заводе Усолья-Сибирского.

Тяжко по первости пришлось молодому человеку непривычное тягло выносить. Нежные руки,

державшие лишь книги, ручку, да бумаги, ныли и стонали от тяжёлой работы. Сама обстановка – пыль, грязь, высокая температура – казались настоящим адом. Однако, как в народе говорят, Бог не даёт испытаний не по силам. Стал потихоньку привыкать к суровой действительности и Виктор. Тем более «свет» в окошке появился. Работала начальником отдела кадров на этом заводе Анна Рудина. Высокая, светловолосая, слегка полноватая, но в таком аду казавшаяся необыкновенной красавицей. Приглянулся одинокой бабёнке Виктор. Будто по делу вызывала его в свой кабинет. Разговаривала, чаем с бутербродами поила. Так потихоньку и началась дружба.

Время, оно, как горная речка, течёт быстро. Близилось окончание срока. Но уж очень не хотелось Виктору уходить на волю с судимостью. И на хорошую работу не устроишься, да и в институт попадёшь ли? Обо всём этом толковали они с Анной не раз.

– Помоги, Аннушка. Всё ведь в твоей власти. Чуть измени фамилию, новые документы выпиши. И будто я вольнонаёмным здесь работал. Я ведь не просто так отсюда уйду. Поженимся и проживём, как самые счастливые люди.

Недолго размышляла Анна. Влюбилась в этого красивого парня, да и под сердцем носила уже его сыночка. Всё сделала, как он просил. И стал Виктор Горский Виктором Гориным. Даже сделала его на год моложе. Все документы были настоящими.

Поженились они с Анной. Вскоре родился Антон. Жить бы, да радоваться, что всё хорошо кончилось. Дела Виктора пошли в гору. Закончил по-

литех, устроился на «Химпром», хоть небольшим, но начальником. Через некоторое время, благодаря связям супруги, большую должность получил. Одно только мучило: не любил он Анну. Совсем. Благодарность была, а любви... Обнимал через силу, от совместной постели открещивался, как мог. В это время и сверкнула другая звезда – его секретарша Верка. Она была чуть помладше. Стройная, улыбчивая. Русая коса на голову намотана. Дело своё знала хорошо. И угодить умела. Жила одиноко. Муж давно помер, детей Бог не дал. Вот и притулилась к Виктору. А того вдруг сердчишко ёкнуло. И начался служебный роман. Сначала таились, потом он её к родичам на показ свозил. Тем понравилась молодуха – весёлая да расторопная.

– Только не по-людски как-то, – выговаривал Виктору брат Егор. – Ты бы к одному берегу прибывался. Разводись с Анной и живи с Верой в браке...

– Ага, разведёшься тут. Мне Анька так и сказала: как только намылюсь из семьи, так она всю подноготную мою и выложит, где положено. «Сама, – говорит, – в тюрьму сяду и тебя потяну». А я той баланды нажрался до тошнотиков. Не хочу.

– Тогда, если уж слово дал, держи его. Будь мужиком. Грех одну обижать, да и другую, по сути, обманывать.

– Не лезь в мою жизнь, братец. Сам разберусь.

Но не разобрался. Как-то ехал после пирушки домой, уснул, да и врезался в дерево на обочине. Не выжил. Судьба сама разрубила запутанный клубок.

– Как считаешь, – спросил старец, – правильно ты поступал?

– Наверное, нет. – Когда из беды вызволяться надо было, думал Анну на руках носить стану. А возненавидел.

– Так ведь она добро тебе сотворила, нарушив тем самым закон...

– Ну и что. Добро и без корысти можно делать.

– Но она любила...

– А я нет. Что тут поделаешь?

– Ладно. А Веру любил?

– Кто его знает. Хорошо мне с ней было. Весело, спокойно. Да и как баба вполне устраивала. К другой не тянуло.

– Если всё вернуть обратно, как поступил бы?

– Наверное, также.

– А если б ушёл от жены и снова в тюрьму попал, ждала бы тебя твоя зазноба?

– Кто её знает. Скорей, к другому притулилась. Одинокой бабе жить трудно.

– Ясно с тобой. Теперь ты, Вера, скажи: зачем к женатому мужику полезла? Что тебе сделала плохого Анна, за что ты разорила их семейное гнездо?

– Ничего. Я к ней зла не питаю. Только не одна она с мужиком жить хочет. Мне тоже надоело бобылихой ходить.

– Нашла бы себе неженатого. Хоть вдовца.

– А на что он мне нужен? Обстирывать. Да ещё, поди, ребятишек его. Больно надо. С Витей мне один праздник. Везде ездили вместе.хлопот особых он мне не доставлял. Да я и не настаивала, чтоб он разводился. Мне и так было хорошо. Разве штамп в паспорте что-то даёт?

– Даёт, – спокойно, наставительно ответил старец. – Ответственность. Очень большую ответ-

ственность и перед собой, и перед теми, кто рядом. Ведь бегая от жены к тебе, Виктор обманывал вас обеих. А ещё сына, которому мог бы уделять больше внимания. И ты это понимала. Поэтому нервничала всё время. Вот сердце твоё и не выдержало – инфаркт. Правильно я говорю?

– Верно. Только что теперь поделаешь? Влюбчивые мы, бабы. Поглядел на меня Виктор ласково, приобнял раз, другой, я и растаяла.

– Не жалко было Анну?

– Нет. Ей одной что ли счастья хочется.

– А если то счастье ворованное?

– Ну и что. Мне хорошо и ладно, а другая пусть о себе сама думает.

– Да, добра и жалости в тебе маловато. Ладно, поговорим с тобой, Анна. Идя на подлог документов, ты понимала, что это преступление?

– Понимала. Да только любовь вот к нему весь ум – разум застлала.

– Не боялась, если заметят, сама сядешь?

– Я не думала об этом. Хотелось сделать для любимого всё, что смогу.

– Что ж ты тогда его шантажировала? Коль он тебе любимый, ты должна желать ему счастья. Вот и отпустила бы.

– Мои угрозы ничего не значили. И Витя это знает. Старые документы я уничтожила сразу. И всё сделала так, будто он и родился с фамилией Горин. А говорила всё для острастки. Надеюсь, что одумается. Этим его и держала.

– Зачем? Неужели приятно чувствовать себя нелюбимой женщиной? Могла ведь встретить действительно доброго и любящего мужчину, который на руках бы носил.

– Обида жгла, что столько для него сделала, даже закон нарушила, а он лгуном оказался. Да и не хотела, чтобы сын безотцовщиной рос.

– Не пробовала с Верой поговорить?

– Что с ней разговаривать. Я законная жена, а она побрякушка.

– Попрошу не выражаться, – сразу вскочила со своего места Верка.

– Сядь, сядь. Твоё слово уже слышали. – Анна, а если бы всё повернуть назад, как бы ты поступила?

– Не знаю, – горестно вздохнула женщина, вспомнив вдруг свою старенькую мать и сына. – Наверное, отпустила Виктора на все четыре стороны. Может быть, именно за это он бы и оценил меня по – настоящему. Теперь уже поздно.

– Да, – подытожил старец. – За все поступки человеку обязательно нужно платить. К сожалению, в ваших греха не меряно. Так что уютное пребывание здесь вас не ждёт. Отрабатывать придётся за всё содеянное.

К троице вновь подошёл праведник в балахоне и так же молча, указав на дверь, попросил выйти за ним...

Антонина Васильевна за всю ночь так и не сомкнула глаз. Слез больше не было – все выплакала. И вдруг заметила на лице Ани неизвестно откуда появившиеся две глубокие морщины у переносицы. Будто мёртвая о чём-то сосредоточенно думала. В окно блеснул первый лучик солнца.

– Пора Антошку будить – дел сегодня много. А завтра начнём привыкать жить вдвоём...

На закланье

Симпатичная женщина Нина Дмитриевна. Уже пенсионный стаж выработала – казалось бы лета... Но возраст как-то мимо шагал. Оттого и гляделась она много моложе. Стройная, пышные рыжеватые волосы оттеняли зелень широко открытых миндалевидных глаз. Яркие бантиком губы, на которых всегда играет лёгкая улыбка. От неё веяло теплотой, домашностью, уютom. С людьми быстро сходилась. Одному совет толковый даст, другому – денег на время. Коль нужно очень человеку, что свою пенсию «схоронить». Третьему – чем другим поможет. Сделать приятное людям – душа возрадуется. Удачливой по жизни считала себя. Деток вырастила, выучила, внучат дождалась. Только вот личная жизнь как-то не заладилась. С первым мужем и двух лет не прожила – ревностью извёл. Со вторым семья, вроде, сложилась. Добрый попался человек, но безвольный. Сгорел от палёной «змеюки», пристрастие к которой не потерялось даже после рождения детей. Овдовев, горе работой забивала. Это самое надёжное средство от хандры.

И всё равно трудно одной. Дети свои семьи завели, как говорится, отпочковались. Шло время. Природа своё берёт. Всё чаще и чаще мысль в голове толкалась: встретить бы человека хорошего, доброго. Пусть вдового, лишь бы с уважением к ней и ласкою. Глядишь, семья сложилась. Вместе веселей, сподручней. А дети поймут... Только где его взять? В такие лета по танцам уже не бегают. Разве кто из друзей озаботится, да познакомит. К

её радости так оно и случилось. На подружкиных именинах с ней рядом посадили Антона Лисичкина... Ничего, вроде, с виду. Ровесники. Обличность обыкновенная. Усы и бородка даже шарму прибавляли. Русые волосы назад зачёсаны. А глаза, как у неё, Нины, зелёные. «Вот уж парочка – гусь, да гагарочка», – подумала она. Мужчина ухаживал, комплименты говаривал, даже раз на танец пригласить отважился. Слово за слово – познакомились. С женой разошёлся. Дети есть. Взрослые. Подумала тогда Нина Дмитриевна: «А, может, это судьба? Там не получилось (мало ли что бывает), здесь всё хорошо будет. Так ведь случается»... Завязалась дружба. Телефонная. Но и это к душе одинокому человеку. Поговоришь, посмеёшься... Вроде своё, близкое. Всю весну длился телефонный роман. А летом однажды Антон пригласил Нину на свидание – на собственную дачу.

– Там, правда, ещё строю много, но отдохнуть можно.

Он встретил её на перроне. Она, волнуясь, шагала навстречу неизвестному: собственному счастью... а, может, обману. Но об этом не хотелось думать. Пока шли, рассказывали о своём житье – бытёе, об отношениях в бывших семьях, о детях. Вот и дом. Небольшой, но добротный. С верандой даже. В переднем дворике идеальная чистота и много цветов. Хозяйственные постройки аккуратные, словно делались на выставку. Нине это понравилось – хороший хозяин. Прошлась по огороду. Удивилась – не всякая хозяйка может похвастать таким уходом. «Не мужик, а золото», – подумала тогда. Вошла в комнату. Сразу щёчки заалели. Везде – в вазах, графине и просто бутыл-

ках стояли живые цветы. Значит, её ждали с радостью, а может...

– Проходи, Ниночка, в кресле устраивайся, – хлопотал Антон. – Мы с тобой сначала пообедаем, поговорим. А после отдыха в лес сходим, Он ведь прямо за калиткой начинается. Я веников берёзовых для баньки навяжу, ты грибов поищешь, воздухом духмяным подышишь. А как стемнеет, костёр жечь будем. Только сухих хвойных лап принести надо.

Стол накрыли просто: варёная картошка, рыба тушёная, салат и большая коробка дорогих шоколадных конфет к чаю. Невелика деталь, а приятно: «Видать, для меня подарок». Обед прошёл быстро. Разговоры опять крутились вокруг жизненных проблем. «Куда от них денешься, – думала Нина, – что у нас, что у мужиков – они одни и те же». Потом Антон разобрал постели на обеих кроватях и предложил немного отдохнуть – ей с дороги, ему с трудов праведных – с рассвета на ногах хозяйствует. Подчинилась гостя. Сбросив платье, юркнула под одеяло, и в самом деле намереваясь поспать. Однако, спустя несколько минут, внезапно очутилась в объятьях разгорячённого Антона. Крепкие поцелуи, нежные ласки настолько взволновали женщину, что, забыв о своих годах, она ринулась в любовную реку, потеряв над собой контроль. А потом, когда лежали рядом, прижавшись друг к другу, думала: «Чего стыдиться-то? Не девочка, поди. Понимала, чем свидание кончится. Всё ведь хорошо. И Антон теперь станет ей ближе и родней».

К вечеру пошли в «таёжный парк». Он начинался за огородом, только распахни калитку. Как

здесь было здорово! Берёзы, тихонько листвою шелестя, как казалось Нине, напевали любовные песни. Бурливый ручеёк бил по камушкам дробь, наверное, чтобы лес не дремал. А птиц-то, птиц... Удивляя разноцветьем своих нарядов, порхали бабочки. Нина, наполненная радостью, бродила меж деревьев, приминая зелёную сочную траву. То там, то здесь находила заветный грибок: подберёзовик, подосиновик, волнушку... Вдвоём из леса натаскали сухих сосновых лап, сложили пирамидой для ночного костра.

Из грибов получился прекрасный ужин. Пока то, да сё, стемнело. Нагрели и заварили душистый чай с травками, поднесли стол к будущему костру. Конфеты, чашки – это само собой. Небо было, как на заказ, звёздным. Казалось, протяни руку – до любой дотянешься. Запалили костёр. Языки разноцветного пламени заплясали в весёлом хороводе посреди огорода. Затрещали, сгорая, сучья. Воздух напитался смольём. Красота! Такому романтическому свиданию любая молодая была бы рада, а уж Нина тем более, ох, как довольна. Надолго хватит воспоминаний. Чаепитие продолжили на веранде со свечами, под красивую музыку. Танцевали, пели. Потом снова разговаривали уже о книгах, о кино. Не заметили, как розовыми бликами расцвело утро. И тут начались будни.

– У меня к тебе просьба, – сказал Антон. – На рубашках пуговицы слетели. Если не трудно, пришей, пожалуйста, пока я сосну часок.

Ей ничего не было в тягость. Она пришила пуговицы, починила, какие нашла, носки, привела в порядок спортивный костюм. Приготовила обед. Это делалось само мобой. Потом пошла в ого-

род, считая себя уже почти хозяйкой, прополочла грядки, собрала созревшие овощи. А там и вечер приспел. Стали собираться по домам. Ему в одну сторону, ей в другую. На перроне попрощались. Хорошее чувство зрело внутри Нины. Тёплое, вроде искорка от того большого костра осталась. Может, всё и сладится. Как-то Антон позвонил ранней осенью.

– Работы на даче много. Тяжело одному. Может, приедешь? Хоть от готовки меня освободишь.

Можно ли отказать? Конечно, она приехала и наготовила, как на Маланьину свадьбу. Ей было приятно ухаживать за милым, кормить его. Она привычно полила огород, собрала ягоду, повыдергала лишнюю траву с грядок. Вечером пили чай, и Антон сказал, то ли утверждая, то ли спрашивая: «Мы ведь с тобой друзья...» Она засмеялась, приняв это за шутку.

– Есть у меня друг в соседях, словно подружка. Он здорово помогает, чем в силах. Но мне не приходило в голову целоваться с ним, а уж тем более в одной постели спать. Как ни крути, отношения меж нами по-другому зовутся. Нахохлился Антон, не понравился ответ. И свернул разговор совсем в другое русло.

– Знаешь, я не собираюсь с женой официально разводиться, я перед ней виноват. Она болеет, буду ухаживать. А, вообще, я один привык жить. Лишний раз люди раздражают. Не обижайся.

– Зачем меня звал?

– Помощь нужна, одному тяжело. Друзей не дозовёшься, семье – дача побоку: лишь выращенное забрать.

- Сам себе противоречишь. Тяжко - иди на поклон к жене, проси прощение. Не можешь, найди себе по нраву женщину - женись. Жизнь, может, и образуется. Меня зачем надеждой тешишь? Чай не молодка в любовницах ходить. А на чужую семейную дачу я в работницы не нанималась. Мне своего хватает.

В этот вечер в доме Нина осталась одна. Антон, поговорив по телефону, ушёл к другу, якобы, в бане париться. Его не было почти всю ночь. В доме царил холод - раскуроченная печка не топилась. Нина Дмитриевна собрала загодя сумку, закуталась во что могла и с нетерпением стала ждать утра.. Антон пришёл весёлый, включил у своей кровати воздухонагреватель и уснул.

Чуть рассвело, Нина взяла вещички и, словно камешек бросив,; «закройся», открыла дверь и ушла на станцию. Скоро электричка везла её домой. Душа, словно сажеей покрылась. Вроде мудрости полная головушка, а ведь не распознала обмана. Не чувства двигали Антоном, а лишь желание использовать её как служанку. Заодно и свои природные прихоти исполнить можно, не бегая далеко и не тратя на это лишних средств.

- Эх, Нина, Нина, - думала она, - дурья твоя башка. Распахнула душу на первом свидании, увидев ласковое и нежное обхождение. Не поняла, что это всего-навсего агитпункт, чтобы потуже привязать её к нуждам лукавого, чужого и совсем не нужного ей человека.

Много об этом писано - переписано, ан нет... всё равно на ласковое слово идёт женщина, как на закланье.

Была у собаки хата...

Осеннее утро выдалось тёплым и солнечным. Разноцветье деревьев и кустарников, капли росы, что блестели изумрудовой россыпью на ещё зелёной траве, – всё это вызывало чувство умиления и радости. Они и радовались хорошему утру – эти два мужика, неторопливо шагающие из посёлка в лес. Разговаривали, смеялись... Один высокий, широкоплечий. На тёмной шапке волос ни сединки, хотя по лицу видно – не молод. Второй ростиком поменьше. Юркий. Не идётся ему спокойно. Всё забежит вперёд, повернётся к напарнику и, жестикулируя, начинает рассказывать очередную историю. На плече его берданка, хотя охотничий сезон ещё не наступил.

Следом за мужиками тихонько ковыляет, понуро опустив голову, старый пёс овчарочьей породы. Он то и дело останавливается, чтобы набраться сил для следующего шага. Тяжко ему. Очень тяжело. Много лет прожито с тех пор, как подарили его маленьким резвым щенком доброй женщине с красивым именем Лия. Ему тоже дали короткую и вполне мужскую кличку Дик. Тютёхалась она с ним, как с родным дитятей. Растила, учила всяким песьим премудростям. И вырос он большой и умной собакой. Преданным и верным другом своей хозяйки.

Попусту никогда не лаял, маленьких не обижал: ни кутят, ни пацанят. Бывало, увидит во дворе, как большой мальчишка малого шпыняет, зарычит, залает – мол, уйди от греха, а то и кусануть могу. «Да-а, были когда-то времена... Лю-

била его хозяйка. Кормила вволю, разговаривала, как с членом семьи. Когда болел, лечила. Всегда ласково обходилась. Даже когда старость ододела. Ухаживала... Где она сейчас? Почему позволила этим двоим распорядиться его судьбой?»

Он сознавал, что наступила немощь. Отяжелели ноги, стало «сбиваться с ритма» нутро. Что поделаешь – старость не радость. Она ведь и к людям приходит. Всё было нормально пока жили вдвоём с хозяйкой. Да только замуж она пошла. Он деревенский. Вот и привезли пса вместе с вещами на новое место жительства. Он выполз из машины, и вдруг в его сердчишко забился холодок. Сначала маленький, потом стал расти, превращаясь в большую тревогу. «Не к добру этот переезд. Не к добру». Привыкшему жить в доме, в тепле, ему было тяжело находиться в тесной холодной конуре. Невмоготу слушать бестолковое гавканье хозяйской собаки, сидящей на цепи и считающей себя здесь главной. Дик никогда не носил ошейника. Привык в доме быть родным. Любил свой дом. Охранял покой в нём живущих людей.

Сегодня его позвали с собой эти двое. Был бы он глупым псом, он бы радовался сейчас прогулке по лесной тропинке, тёплому не по осенней поре солнышку, той красоте, что волшебством окутывала все окрестности. Но Дик – умная собака. Взглянув на двух приятелей, он сразу понял, куда и зачем его зовут. Понял, что жить ему осталось совсем чуточку – как только дойдут до нужного места...

Его старое сердце ныло от обиды: «За что с ним так? За то, что он стал стариком? Разве за старость

убивают? Почему в такой страшный момент нет рядом хозяйки, которой служил он верой и правдой много лет? Выходит, бросила его. Выходит, разрешила...

Дик еле переставлял ноги. Холод постепенно заполнял всё его существо. Выцветшие глаза не сдерживали слёз. Да и перед кем их прятать? Сердце вдруг зашлось невыносимой болью. «Ох, как тяжко. Прилечь бы...» Впереди недалече он увидел молоденькую берёзку. Под ней пушилась мягкая муравка. Собака доползла туда и легла на травяной ковёр, прислонившись боком к дереву. Боль всё росла и росла. А потом пришёл мрак...

– Эй, Петро, – позвал приятеля юркий по имени Миха. – Гляди, псина-то твоя отдохнуть улеглась. Може здесь её и шлёпнем? Сколь ещё по лесу с ей волочиться?

– Делай, как знашь, – откликнулся Петро. – Только дай я подальше отойду, не могу на это глядеть. Тошно.

Он быстро пошёл вперёд, а Миха, сняв с плеча ружьё, прицелился и выстрелил в опущенную на лапы голову собаки. «Надо же, с первого раза попал!» Дик ничего не видел, боли не чувствовал – он ещё до этого был мёртв. Сердце не выдержало такой натуги. Здесь же, под берёзкой мужики вырыли глубокую яму, спихнули туда собачий труп и закопали. Нет больше собаки. Лишь на траве запеклось несколько ржавых капель.

Лия приехала в посёлок на следующий день. Окинула взглядом двор – Дика не увидела. Не было на месте и временной будки, где он ночевал. Она всё поняла. Ни о чём не стала спрашивать мужа. Затаила боль в себе. Пообедали, помы-

ла посуду и пошла в огород. Села меж дальними грядками прямо на землю и горько заплакала, чувствуя собственную вину за случившееся и понимая, что невольно своим молчанием отдала на закланье друга.

Тайна моря

Никогда не думала Настя, что так не повезет ей в жизни. Единственная дочь у родителей. Холили, нежили. Мать – учительница, отец – врач. По его стопам и дочка пошла. Окончила институт, стала ребятишек лечить. И жених сыскался Павел. Хирургом в районной больнице работал. Постаралась родня, чтобы молодые ни в чем не нуждались: купили квартиру, дачу... «Мир вам, да любовь», – сказали.

К сожалению, счастья хватило на три года. Потом муж увлекся молоденькой медсестричкой. А Настя по гордости своей указала ему на дверь: «Раз на час ума не станет, – сказала, – навек дураком прослывешь». И не ошиблась. Все чаще и чаще её бывшего супруга видели во хмелю. Не раз к Насте приходил проситься обратно. Да только для неё было добро, да давно. Сказала ему, как отрезала:

– Сапог лаптю не брат. Не ищи правды в дру-
гих, коли в тебе её нет.

– Есть же у тебя сердце, прости...

– Есть сердце, да закрыто дверцей. Не ходи
больше сюда. Не изводи ни себя, ни меня.

Чтобы никто не бередил её душу, Настя решила начать новую жизнь на новом месте. Уехала в Слюдянку. Продав квартиру в родном городе, купила здесь маленький домик на берегу Байкала.

То ли от воздуха – пронзительного морского, то ли от близости Священного моря, но и правда появились силы, захотелось жить. Устроилась на работу. С месячишко походила по своему участку, все стали родными. Подучилась на курсах – освоила иглоукальвание и массаж. Стала подрабатывать. Что одной-то в доме сидеть. Так хоть и людям помощь, и себе прибыток. А когда выдавался свободный вечерок, бежала к своему самому близкому другу – Байкалу. Сиделась на валун и молча глядела на водяную гладь или рассказывала свои накопившиеся новости и проблемы. Байкал, как и положено другу, слушал и тихонько плескался, как будто подбадривая.

– Если честно, – делилась Настя, – трудно жить одной. Хотелось бы мужа, доброго, верного. Что-бы понимал, помочь мог, защитит. Да и вообще без мужского плеча и нежного тепла негоже женщине жить. А приходится.

Облегчив душу, ополоснув лицо живительной водичкой, она возвращалась домой. Перед сном читала, а потом, как в бездонную яму, проваливалась в сон.

Воскресенье выдалось на редкость погожим. Вдалеке, как на посту, пристроились возле камней на берегу любители порыбачить. Еще дальше ватага пацанов устроила себе на песочке «загаралище». Тянуло на берег и Настю. Накинув легкое платьице, выпив наскоро стакан молока, она помчалась к своему насиженному месту. Сегодня оно было занято. На валуне сидела красивая девушка лет восемнадцати. Невысокая, круглолицая с длинными рыжими волосами, которые придерживал блестящий ободок. Глаза – темно-зеленые,

чуть раскосые с длинными черными ресницами. Одета в серый спортивный костюм, облежавший её миниатюрную фигурку. На ногах своеобразная обувь – нечто среднее между туфлями и лапоточками.

– Вот, наконец, и ты, Настя, – нараспев сказала она. – Я тебя давно жду.

– Разве мы знакомы? – Удивилась девушка.

– Мы с братом знаем тебя, давно наблюдаем за твоей жизнью, уж так пришлось. Не сердись. Думаю, настала пора и тебе с нами познакомиться и подружиться. Меня зовут Лэли, а брата Адри. Он скоро будет.

– Я не против новых друзей. Однако у вас очень странные имена. Не русские. Коли обо мне вы все знаете, то расскажите о себе.

Лэли улыбнулась: «Если ты захочешь и доверишься нам, мы не только расскажем, но и покажем. А пока садись рядышком».

Настя не без опаски села рядом с незнакомкой и приготовилась слушать. Но тут из глубины озера вынырнула огромная, наверное, величиной с кита (может, так просто показалось с испуга) рыбина с блестящей чешуёй и красными вращающимися глазами. Ахнув, Настя вскочила и бросилась, было бежать от такого чудовища. Но Лэли, смеясь, успела схватить её за платье.

– Не бойся. Это не рыба, а наш батискаф. Его брат сам построил. Он не причинит тебе зла.

С опаской, но вернулась Настя на место. «Рыбина» подплыла почти к самому берегу. В боку открылась дверца, и на песок спрыгнул высокий атлетического вида парень. Темноволосый, с такими же зелеными глазами, как у сестры. Тоже в

спортивном костюме. Только ноги обуты в ботинки. Он улыбнулся девушкам.

– Здравствуй, Настенька. Я Адри. На веки твой друг. Во всяком случае, в обиду тебя никому не дам.

– Я, конечно, рада друзьям, – с дрожью в голосе ответила девушка. – Но кто вы? Откуда меня знаете?

– Скоро поймешь, – сказал парень, присаживаясь рядом. Из кармана он вытащил пульт, нажал кнопку, и гигантская рыбина внезапно исчезла. – Это, чтобы не тревожить тебя и других обитателей на берегу, – пояснил Адри. – Итак, кто мы? Ты только прими все всерьёз и выслушай до конца. Мы – Байки – жители подводной цивилизации. Живем на дне Байкала уже многие тысячелетия. Как наш народ попал сюда, не знаю. Возможно, мы потомки утонувшей или специально опустившейся в воду Атлантиды. Это ведали наши древние предки. Их манускрипты хранят старейшины. Они же и правят нашим народом, ибо только мудрость да разум способны справедливо управлять. Ознакомиться с древним архивом никому не возбраняется, да только у каждого из нас и без того дел полно. Нет, ученые, конечно, изучают...

– Дел? А чем вы таким важным занимаетесь?

– Прежде всего, вас оберегаем, – ответил серьёзно Адри.

– Вот те на. От чего же? Или от кого?

– Да от вас самих, как ни странно. По замыслу Высших Сил Вселенной земляне давно уже должны были рай вокруг построить и добром обнести. А на самом деле? Год от года всё хуже и хуже. Великие порядки довели до великих беспорядков.

Ты ведь и сама знаешь. Повсюду леса вырубаются. От этого высыхают озера и ручейки. Ураганные ветры иссушают землю. А сколько вреда наносят пожары? Вся планета изранена, как после кровавой бойни. Понастроили атомные электростанции. Это ведь бомба замедленного действия. Следить и беречь их некому. А они от времени рушатся, принося гибель всему живому. Положа руку на сердце, приходится сегодня говорить о деградации земного населения. Психические болезни захлестнули людей. Они не ведают, что творят. Главным смыслом их жизни стали деньги. А это – самое большое зло. Познавший чары золотого тельца, не остановится ни перед чем. Вот почему у вас стало так много катастроф, убийств, воровства, грабежей, брошенных стариков и детей. И это в 21 веке! Очень больно ваше общество. В умах людей искусственно(!) создан хаос. Необходимо заставить их снова научиться думать и размышлять. Вот Великий Разум и дал задачу нашему народу – спасти цивилизацию на земле. Сами сделать это вы уже не в силах. Я не имею права рассказывать тебе, как мы боремся с вашим злом. Одно могу сказать: ты тоже, если захочешь, сможешь в этом участвовать, работая с нами.

– Каким образом? Я ведь и на земле стараюсь жить честно, помогать людям.

– Чуть позже мы поговорим об этом. А теперь ты должна знать: я давно за тобой наблюдаю. Байки ведь одинаково хорошо могут находиться в воде и на суше: у нас внутренние системы организма так устроены. Я о тебе знаю много. Ты мне очень нравишься. Согласись только, и я с радостью предложу тебе свою руку и сердце...

Смутилась Настя, опустила голову. Заметив это, Адри сразу переключился на другое.

Лясы – балясы дело хорошее, но давай для начала спустимся в наш мир. Мы покажем тебе, как живем, чем питаемся, чем гордимся. Помни только, за себя ты будешь решать сама.

Настя испугалась: «Как же я спущусь? Я и плавать-то не умею. А на глубине такое давление, что меня просто расплющит в камбалу. Нет уж, на тот свет мне ещё рано. Пожить хочется.

Адри снисходительно улыбнулся: «Вариантов два – можно вызвать батискаф и тем привлечь к себе внимание обитателей на берегу. А можно опоясать тебя специальным поясом с сделанными в него приборами. С ним на дне ты даже не почувствуешь разницу между воздухом и водой. Так что решайся. Мы тебе не враги.

Настя колебалась. С одной стороны ей было страшно. С другой сильно любопытно. С третьей... Уж очень ей понравился этот плечистый парень. За таким, как за каменной стеной.

– Ладно, наконец, выдохнула она робко. – Вяжите пояс. Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

– Вот глупенькая, – ворковала Лэли, туже затягивая на Настиной тонкой талии мягкий ремешок с кнопочками. – Готово. Пошли в воду.

Они стояли у края бетонного настила. Внизу плескалась неизвестная и пугающая темень. Сердце девушки ушло в пятки. Она как бы в последний раз посмотрела на солнышко, на раскидистые кусты по берегу и сильно зажмурила глаза. Только почувствовала, как чьи-то крепкие руки подхватили её...

– Ну что, трусиха, ведь не страшно совсем.

Настя распахнула глаза. Втроем они стояли у большой, покрытой зелёной плесенью скалы. Под ногами желтел песок, развевались водоросли. Невдалеке резвились мелкие рыбешки. Присутствие людей их нисколько не смущало. Она потрогала платье, волосы. Убедилась, что они сухие, да и холода на такой глубине не чувствовала. Удивилась.

– Открывай рот, разговаривай. Не бойся. – Сказал Адри. – Благодаря поясу ты теперь как мы. Так что вперед.

– Адри, сначала гостью надо накормить, показать наш дом, а уж потом экскурсию устраивать.

– Женщины, как всегда, правы мудростью своей, согласился брат.

Они подошли к небольшой скале. Парень привычно приложил руку к нужному месту. Открылась дверь, но вода не ринулась внутрь потоком. Потому все спокойно вошли в помещение. Отвечая на удивленный взгляд Насти, Адри объяснил: «Сработало автоматическое устройство, которое при открывании дверей с силой отталкивает воду воздушной подушкой».

В комнате оказалось красиво, но несколько непривычно. Вместо окон большие аквариумы. Видна вся морская жизнь. Так же, как у землян, стоял стол со стульями, тахта, шкафы, но не с книгами, а с дисками. Много причудливых цветов в кувшинах. На стене среди непонятных, но очень красивых картин висело подобие телевизора, со множественными антеннами.

– Этот «ёжик» у вас за телевизор? – спросила Настя.

– Прибор совсем другой. Можно, конечно, посмотреть фильм, но и настроиться на любую страну, планету. Просто посмотреть. Если есть необходимость, поговорить с её обитателями. Ну, а уж бедствие увидишь, придется – лететь на помощь.

– Чтобы говорить, надо знать их язык.

– У нас нет проблем. Есть преобразователь, – объяснил Адри. – Мы с тобой тоже разговариваем, каждый на своём языке, тем не менее, прекрасно друг друга понимаем.

– А если, как ты говоришь, беда и надо лететь – на чём? Надеюсь, не на той страшной рыбине?

– Нет. Для этого имеются специальные дальнолёты.

– Что-то я не вижу в вашем доме родителей. Они на работе?

Адри чуть нахмурился: «Их нет, – ответил он тихо. Отец погиб три года назад в экспедиции по изучению Бермудского треугольника. Вернее, он вернулся живым, но с испорченной головой. Во всяком случае, нам так показалось. Целый год чертил какие-то схемы, чертежи. Потом весь свой труд, никому не показав и ни с кем не посоветовавшись, отправил не нашим ученым океанологам, а в ваше министерство науки. Ответа не дождался. С тем и умер. Видимо, его сведения важнее были вам. Мама наша – землянка. После кончины отца она посчитала нужным вернуться в ваш мир. Погибла в автокатастрофе. Мы живём вдвоём с сестрой...

– Прости... На могилки часто ходите?

– К маме да. А наши уходят иначе – просто растворяются в воде, оставляя в ней свои знания и

мудрость. Умная вода и подпитывает молодых. В ней очень много информации.

А Лэли в кухне готовила угощение. Оттуда пахло необыкновенными пряностями. Настя с Адри стояли у аквариума с золотыми рыбками. И вдруг она почувствовала, как всё её существо наполнилось головокружительной негой. Внутри грела теплом тихая радость. Стоять бы так и стоять рядом, чувствуя друг друга. Обними её сейчас Адри, и она, не помня себя, пошла бы за ним хоть на край света. Видимо, парня одолевали те же чувства. Он нежно взял Настю за руку, и между ними пробежала такая искра, что ещё минута, и они бросились бы друг другу в объятия. Но тут с подносом в руках в комнату вошла Лэли.

– За стол, друзья, за стол. Как там у вас, Настя, говорят: соловья баснями не кормят? – И она стала расставлять тарелки.

Молодые люди неловко переглянулись и пошли пробовать морские изыски. Да уж, Лэли постаралась. Здесь была запеченная рыба, приправленная водорослями, и какая-то снедь в больших ракушках. А ещё салат из неведомых Насте растений. Даже напиток был. Зеленый, но очень вкусный, впрочем, как и всё остальное.

– Настя, сказал Адри. – Я действительно люблю тебя и хочу жениться. Ты не думай, землян здесь много: и мужчины, и женщины. Всем очень нравится, тем более приносить пользу своей Родине. Я не стану принуждать тебя жить только в нашем мире. Когда захочешь, сможешь подняться и побыть в своём доме, съездить к друзьям или родным. Это не возбраняется. Но я не могу без тебя. Ты не отвечай сразу, подумай. Это ответственный

шаг. А чтобы не забывала меня, прими от чистого сердца... – На его большой ладони искрилось и сверкало красивое колечко в форме двух золотых рыбок, держащих алмазный шар. – Бери. Оно отведет от тебя любое ненастье. – Он взял правую руку девушки и осторожно надел колечко на безымянный палец. – Как тут и было. – А теперь пошли знакомиться с нашим миром.

Солнце стояло в зените, оттого вокруг струилась рассеянный свет. Он придавал окружающему некую таинственность и вместе с тем уют. Настю уже не пугали ни путающиеся под ногами растения, ни стайки спящих повсюду рыб и рачков. Напротив, ей всё хотелось потрогать.

Впереди показалась еще одна скала. На удивленные дверь, ведущая внутрь, была почему-то открыта, хотя рядом она никого не увидела.

– А где люди, почему так пустынно вокруг?

– Все работают. Возвращаются с закатом солнца. У некоторых командировка по несколько дней, в том числе и на земле. Дети в школе и в Домах присмотра.

– Ой, мамочки! Это что за чудо? – воскликнула девушка.

Из приоткрытой двери вдруг буквально выпорхнуло несколько золотистых рыбешек. Порезвившись, они тут же превратились в маленьких карапузиков, продолжая все также резвиться в воде.

– Что за волшебство такое?

– Нет, Настюша, чуда. Здесь у нас роддом. Родившихся малышей для адаптации сразу выпускают в воду. До года у них сохраняется удивительная способность – превращаться в рыбок и

обратно. У взрослых эта способность исчезает. Так распорядилась матушка-природа. В этой больнице и ты могла бы работать. Здесь уникальное оборудование и большие возможности. Одно лишь твоё желание...

- Что ты имеешь ввиду под большими возможностями?

- Однажды из утонувшей машины мы вытащили женщину и смогли её откачать. Положили в больницу. При обследовании выяснилось, что у неё неоперабельный рак желудка. Но это для землян неоперабельный. А у нас без хирургического вмешательства обошлось. Специальными бальзамами, да байкальской водой вылечили. Навсегда. Ушла она на землю, там двое ребят осталось. Но связи с нами не теряет. Возможно, когда-нибудь вернется насовсем.

- Чем еще вы нам помогаете, - спросила Настя, составляя красивый букет из разноцветных растений, выющихся рядом.

- Помнишь Чернобыльскую катастрофу? Да, мы находимся далеко от этого места. Но сигналы ловим со всего мира и космоса. Так вот, не пошли мы вовремя свою ракету со специальным связующим веществом, которого нет ни в одной стране, беды было бы куда больше. А потом мы же обрабатывали все леса и окрестности, чтобы люди, оставшиеся там, могли жить, дышать, питаться. Все это делалось тихо, не на показ. Мы как бы подбрасываем идеи, а ваши ученые сами должны додуматься.

- А не лучше ли сотрудничать вместе?

- Имеем и это. Но с людьми очень проверенными. Если открыться всем, неизвестно, чем это

кончится – даже войной. А поскольку наша цивилизация сильнее, сама понимаешь... Но мы – народ мудрый, не допустим.

– Чем ещё занимаются ваши люди?

– Научной работой. Например, изучаем океан.

– Странно. Какое отношение имеет Байкал к океану?

– Прямое. Они соединяются.

– Разве такое может быть?

– Оно есть. Только далеко отсюда, по вашим понятиям. Да и скрыто даже от многих наших. Хотя все догадываются. Возле того места вода солоноватая. Многие рыбы переплывают и осваиваются в пресной воде. Нерпы планируют туда – сюда.

– Да, да, я что-то слышала об этом. Кстати, почему вас не видела экспедиция, что спускалась сюда на батискафах «Мир»? Вы им могли бы подсказать, где находится то, что они ищут.

– А что ищут? Нефть, газ? Про то и другие ископаемые давно известно. Только уж очень затратно их отсюда добывать. Мы используем на свои нужды. А землянам своих недр предостаточно. Только разрабатывай. Не ленись. А что не заметили нас, то имеем мы защиту. Как у Ската. Только не чернильную, а матовую. Стоит включить прибор, и пришельцы кроме себя ничего не увидят. Думается, не то изучать они прибыли. Собственное общество анализировать надо, помогать ему из кризиса вылезти. Знаем, что они ищут... Только никогда не найдут. Оно само явится, когда придёт пора. Сильно тогда Байкал зол был. Почувствовали и вы, наверное?

– Да уж. Натерпелись страху от такого землетрясения. Ты о Байкале, как о живом говоришь...

– Он и есть самый живой. И думать умеет, и порядки чинить. Жесткие порой, но справедливые.

– Чудно. Вы живые, в живом находитесь...

– Ничего особенного нет. Мир – многомерный. В нём все живое. Рядом с тобой, над тобой, внутри тебя. Вот ты – живое существо, а сколько внутри тебя бактерий. Прекрасно себя чувствуют, питаются, вырабатывают для твоего организма полезные вещества. Так что все неоднозначно.

Наконец Настя увидела еще одного человека. Он был одет в своеобразную военную форму зеленого цвета и держал в руках какой-то небольшой прибор. За его плечами высились все те же скользкие, покрытые мхом скалы. Собственно, больше ничего не было видно.

– Наверное, это полиция?

– Мы обходимся без неё. Здесь Главный Преобразователь. С его помощью взлетают в разные концы Вселенной наши ракеты. Сюда прибывают и гости из Космоса. Это секретный объект. Лучше отсюда побыстрее уйти. Пойдем, я покажу тебе школу, если ты еще не устала.

– Что ты, нисколечки. Мне все интересно. Как будто в добрую сказку попала.

Если бы не внутрискальное помещение и аквариумы вместо окон, школа ничем не отличалась от земной. Разве что аппаратуры на столах больше. Да и многие предметы, скажем географию, ребята не по учебнику изучают. Они наперебой показывали Насте свои возможности. Стоит включить прибор, как на мониторе хорошо видно ядро земли, залежи ископаемых в той или иной стране. Можно, не сходя с места, изучить почву и атмосферу того же Марса или другой планеты. Инте-

рес велик, и все доступно. Таким образом можно перевероршить всю Вселенную.

– Вот уж правда, – с удивлением и восхищением сказала Настя, – в окно всего света не оглянешь и в книжках не вычитаешь. А здесь всё наизнанку вывернуть можно. Такая учёба к разуму хороша. Здорово!

– Ты, наверное, моя хорошая, устала от такой необычной прогулки? – Спросил Адри, обняв девушку за плечи. – Пойдем домой. Тебе отдохнуть не помешает.

– Пожалуй, – согласилась Настя. – Эмоции переполняют всю меня. Я только немножко посижу, поразмыслю и снова готова идти с тобой, куда поведешь. Мне хорошо. В добре побудешь, все горе забудешь.

– Понравилось?

– Очень.

Вернувшись в дом Адри, она прилегла на тахту, и... усталость сразу сморила её.

...Неотвязчивый солнечный лучик сверлил и сверлил Насте глаз.

– Ну что привязался? – недовольно проворчала она. – Такой сон не дал досмотреть. Наверное штору до конца не завесила.

И правда – занавеска болталась у края бордюрины, окно было открыто. С улицы веяло утренней прохладой. Под окном умильно мурлыкал соседский кот Рыжик, просясь в дом.

– Да, кончился отдых, пора на работу собираться.

Настя потянулась, как котёнок, быстро соскочила с кровати и, чтобы взбодриться, решила сделать гимнастику. Вытянула вперед руки... и

обомлела. На безымянном пальце правой руки рассыпалось блестками необыкновенное кольцо. Девушка от неожиданности села на пол, стала рассматривать удивительное украшение... И сразу все вспомнила: и новых друзей, и Адри, и подводный мир. Выходит, это не сон. А значит, ей придется хорошо подумать и принять решение: как жить и где жить. Да-а, подумаешь умом, головушка кругом.

Забыв о гимнастике, она быстро сделала себе бутерброд, согрела чаю. Адри не выходил из её думок. Вот уж поистине сердце сердцу весть подаёт. Ей очень хотелось его увидеть, быть рядом и никогда не расставаться. Позавтракав, она замкнула дверь и вышла во двор.

- Здрасьте вам, Анастасия батьковна!

У крыльца стоял бывший муж и явно не с трезвой головушкой.

- Зачем пожаловал?

- Все затем. Сколько можно поврозь? Хватит над человеком измываться. От чувств к тебе занеможил, а ты все гонишь и гонишь...

В глазах Насти блеснули слезы.

- Меня обидеть легко, а душе какво? Не люби ты мне больше, понимаешь? Не царапай сердце своими излияниями, раньше надо было думать.

И вдруг она увидела, как со стороны улицы к ним быстро приближается Адри. На глазах темные очки, в том же спортивном костюме. Настя кинулась ему навстречу, бросив бывшему на ходу два слова: «Замуж выхожу». Она обвила руками шею парня, крепко, всем телом прижалась и тихонько проворковала: «Адри, любимый, я буду

только с тобой. И пойду за тобой, куда позовёшь. Я так решила».

Юноша нежно поцеловал её в губы, и они, обнявшись, пошли в сторону Священного моря, где ждал их общий дом.

Откуда не ждали

— Ой, девочки, что-то сегодня всё спать и спать охота. Прямо веки так и закрываются.

— Нечего по ночам женихаться до рассвета, добрые люди в эту пору спят.

— Светка, уж ты лучше всех знаешь, что нет у меня никого с тех пор, как Стёпка мой умер, — сказала Лиля. — До сих пор отойти от горя не могу, а ты...

Лиле сорок пять. Миниатюрная, хорошенькая, с длинной русой косой. Прямо, как из русской сказки вышла. Света не только коллега по работе в банковской кассе. Но и соседка по подъезду. Они дружат уже много лет, поэтому позволяют себе иногда и подколоть друг дружку.

Ничего, — сказала Света, — сейчас перерыв кончится, некогда будет глазки-то закрывать.

Лиля откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза: «Хоть так отдохну». И вдруг внутри себя почувствовала какое-то беспокойство. А потом в ушах будто зазвенело её имя. «Лиля, Лиля, беги на площадь... Скорее, внучка, а то беда будет...»

Женщина сразу распахнула глаза: «Что за чертовщина? Если бы спала, а то при нормальной,

как говорится, памяти». Зов снова повторился. На душе стало очень тревожно и муторно. Но тут звонок оповестил, что обеденный перерыв кончился. Пока Лиля работала, отвлекаться не приходилось. Голова была занята только денежными операциями. А это большая ответственность. Чуть проглядишь, неприятностей себе на шею много соберешь. Поэтому она, отбросив всё лишнее, сосредоточилась на деле.

Ну, вот и домой пора. «Что же это было? – думала женщина. – Сейчас специально пойду домой пешком через площадь. Посмотрю, что там такое. Не с ума ли схожу, что голоса начала слышать»? Она быстро оделась и направилась напрямик к Комсомольской площади. Ничего необычного не заметила. На автобусной остановке, как всегда, толпился народ. Туда-сюда сновали легковушки. Лиля недоумённо пожала плечами: «Вот странности-то». Но спокойнее на душе не стало. Внутри скреблась какая-то тревога. С этим она и ушла домой.

На следующий день в то же обеденное время снова в её ушах зазвучал голос: «Лиля, беги на площадь. Скорее, скорее. Может случиться беда...» Не зная, что предпринять, Лиля пошла к начальнику отдела и попросила отпустить её на час сбегать в больницу – «Сердце сильно прихватило, – соврала она». Получив разрешение, быстренько оделась и бегом бросилась к площади. То, что она там увидела, повергло её в шок. В центре стоял огромный прозрачный шар. Внутри была кабина, сновали люди. Вероятно, этого кроме неё не видел никто. Мимо ходил народ, ездили машины, ни на что не натыкаясь, как-будто шара и не было. А Лиля его

видела. Она приблизилась и легко вошла внутрь. Навстречу ей из кабины вышел высокий старец. Белые волосы, седые усы и длинная борода, светлое до пят одеяние. Он протянул руки к женщине и сказал:

– Иди ко мне, внученька, хоть познакомимся. Дай, обниму тебя.

Лиля взгляделась в лицо старца. Оно очень напоминало то, которое не раз видела в своём альбоме среди старых родительских фотографий. Только на фото её дед был в чёрном пальто и сапогах. Да и волосы ещё не побелели от старости. А черты лица – точь в точь. Она понимала, что деда давно нет на свете, ведь её отец остался сиротой в десять лет. Тогда откуда он здесь – в этом чудном шаре?

Старец нежно обнял Лилю.

– Внученька моя, родная. Как же ты похожа на бабушку, на мою Леночку.

Да, бабушку Лили действительно звали Елена. Фотографий не сохранилось. Только отец частенько говаривал, что, мол, дочка – вылитая его мать. Боже мой, происходило нечто такое, чего разум объяснить не мог.

– Дедуля, откуда ты взялся, минуя столько лет? Почему так торопишь? О какой беде идёт речь?

Ещё раз нежно погладив Лилю по голове, старец сказал:

– У вас беда на «Химпроме». Разгерметизировались ёмкости с хлором. Чем это может кончиться, сама понимаешь: и отравлениями и не одной смертью. Нас послали помочь вам. К сожалению, видеть шар может только очень близкий кому-то из нас человек. Так что, внучка, тебе придётся взять на себя очень важную миссию. Где находят-

ся ёмкости, мы не знаем. А потому ничего не можем предпринять. Время идет на часы. Вот тебе прибор. – Он протянул Лиле черную коробочку с кнопками. – Сейчас ты должна пойти к тому, кто управляет городом, и приложить все силы, чтобы он тебе поверил и принял нашу помощь. Потом этот прибор надо положить в том месте, где стоят повреждённые ёмкости. Как только поставите, сделайте так, чтобы поблизости не было людей. Лучей, которые пойдут к этому прибору, не бойтесь. Через полчаса всё приведем в порядок. Мы за тобой будем наблюдать. А теперь ступай. – И он ещё раз крепко прижал Лилию к своему сердцу. – Рад я, что на бабушку похожа...

Лилия вышла из шара и направилась в мэрию. Благо это было рядом.

– Алексей Петрович у себя? – Спросила она у секретарши. – Мне по очень важному делу.

– Всем по важному, – проворчала та, – по пустякам сюда не ходят...

– Так можно войти? Скажите, Лилия Макарова по поводу хлора на «Химпроме».

Последние слова возымели действие. Видимо, аховое положение дел знали здесь все.

– Иди, иди пока один.

– Здравствуйте, Алексей Петрович.

– Приветствую. Садись, рассказывай, с чем важным пожаловала.

Лилия рассказала всё, как есть. Видя недоверчивое выражение лица мэра и его скептическую улыбку, выложила последний аргумент.

– Вот, – сказала она, – и поставила на стол небольшую коробочку. Что мы, собственно, теряем, если её поставим возле хлорного склада? Ведь сами

знаете, утечка идет. Буквально через несколько часов либо увидим результат, либо...

– Да, либо будем ходить в дураках, – рассмеялся мэр. Но, подумав, взял телефонную трубку. – Виктор Иванович, приветствую. Не отлучайся из кабинета. Сейчас привезу к тебе даму, будем втроём одну думу думать. Жди.

«Волга» докатила до предприятия быстро. Выйдя из машины и взглянув на небо, Лиля увидела шар, который завис над «Химпромом». «Видать, и правда, что-то здесь недоброе происходит»...

Директор выслушал её очень внимательно, временами взглядывая на мэра – какова его реакция. Но лицо Алексея Петровича было непроницаемым. Тогда Виктор Иванович принял решение:

– Коль и ты явился сюда, значит, где-то в глубине души веришь всему. А чем чёрт не шутит... Может, взаправду кто-то решил помочь беде нашей. Положение и в самом деле скверное. Что делать, пока никто не знает. А, была-небыла. Поехали, положим коробочку, куда надо. Хуже не будет. Только помалкивайте. Разделим секрет на троих. А то в сумасшедшие всех нас быстро определят.

Добравшись до хлорного склада, Виктор Иванович распорядился на час убрать отсюда людей. Поставил Лилину коробочку рядом с емкостями и пригласил её и мэра укрыться в машине и отъехать подальше, но так, чтобы иметь обзор.

Небо вдруг потемнело. Оттого хорошо виделись лучи, которые внезапно обрушились на неблагоприятное место. Разноцветным дождём они окутали все означенное пространство. Через тридцать минут «фейерверк» закончился. Небо вновь стало светлым, солнышко засияло. Лилия вы-

шла из машины и, прикрыв ладошкой глаза, взглядывалась в высь. Шар улетал. Фигура деда чуть виднелась. Он махал ей рукой. Помахала и она: «Вот как довелось увидеться»...

– Ну, все, – забасил Виктор Иванович. – Давай-ка в машину, поедем результат смотреть. ...Пошли, Петрович. Дама пусть здесь сидит, а то мало ли что, потом отвечай за неё.

Они подошли к ёмкостям... и у обоих на голове зашевелились волосы. Каждая была, как в кокон, укутана тёмно-синим крепким, как металл или ещё что-то, веществом. Нигде ни трещинки. Гладко и чисто. Мэр повёл носом – хлором не пахло. Они проверили всё. Результат налицо: идеальный порядок. Виктор Иванович довольно хлопнул в ладоши.

– Ай да девка, ай да молодец! – Подойдя к машине, спросил: – ты какие конфеты любишь? Хотя весь магазин сейчас скуплю.

– Неужели помогло? – радостно отозвалась Лиля. И, чувствуя, что так оно и есть, сказала: –Ничего не надо. Главное, все в порядке.. Довезите лучше до работы, а то я припозднилась...

«Кино» из окошка

Вхорошем месте живёт Сёмка. Из окна его комнаты видны горы. Зимой заснеженные, летом берёзовой зеленью покрытые. Осенью расцвеченные всеми цветами радуги. А выйдешь на крыльцо, Байкал вдали виднеется. По двору разговорчивая горная речушка бежит, по золотистым

камушкам переваливается. Такая красота, что не налюбуешься. И вдруг в эту самую Сёмкину красоту стало вторгаться что-то непонятное, оттого страшноватое, но вызывающее любопытство. Как только начинает смеркаться, к его родным горам спускаются непонятные аппараты или что-то другое, похожее на блестящие сигары с зонтиком. Летят они медленно, завершая полёт ночью.

– Наверное, – думал Сёмка, – чтобы среди звёзд не так заметны были.

Но он их среди звёзд тоже отличал и следил до самого приземления. А потом появилась «тарелка». Большая и такая яркая, что глазам больно. Любопытный мальчишка всё равно смотрел. Прямо бесплатное кино из окошка. Непрошенных гостей он называл лётцами. И старался не пропустить ни одного «сеанса».

– Людмила, что это наш Семён в последнее время вечерами перестал гулять? – Спросил жену Павел Васильевич. – Всё в комнате своей сидит. Не заболел?

– Нет. В школу исправно ходит. Обедает, аж за ушами трещит. Делом каким-нибудь занимается. Это лучше, чем по улицам бегать.

– Хм. Странно, – заметил отец, – в его-то возрасте... – Он встал из-за стола и пошёл в детскую.

В комнате было темно. Сын стоял у окна, рассматривая что-то в большой, ещё дедов, бинокль.

– Что ж там интересного такого?

– Ой, пап... Ты даже не представляешь. У лётчиков сегодня какая-то важная встреча. Прилетели двое. Вон там, в кустах, приземлились. А сверху, на небе, над теми местами охрана по двое. Прямо, как у людей.

– Постой, постой. Какие Леты, куда приземлились? У тебя, случаем, не температура?

– О-о-й, – тяжело выдохнул Сёмка. – На окуляры, сам глянь. Сейчас «тарелка» на посадку пошла. Как на гору сядет, отключит освещение и станет в темноте невидимой.

Павел Васильевич взял бинокль и стал смотреть, куда указал сын.

– Вот это да! – воскликнул он, увидев, как медленно и аккуратно спускается неведомый светящийся объект на их гору. Он дождался и его приземления. Сам воочию увидел, как пошёл пар от снега, что ещё не растаял на вершине, как по очереди отключались кнопки освещения: «тарелка» сначала замигала, стала чуть видимой. Потом и вовсе пропала в ночной темноте.

– Ну как тебе кино? – спросил Сёмка. – Понравилось? Давно уже наблюдаю. Всякого насмотрелся. И как сигналият кому-то, и как что-то вроде шифровки сбрасывают: лист – радужный, переливчатый, как стрекозиные крылья. А он потом катится. Может в сторону Байкала... Впрочем не соскучишься.

– Да-а, ктоб рассказал, не поверил. А тут у самого носа. Интересно.

– Пап, давай залезем на эту гору днём, когда «гости» улетят. Снег только наверху остался. Посмотрим хоть, на какие площадки садятся. Может, что-нибудь там найдём.

– Страшновато. Неизвестность, она и есть неизвестность.

– Тогда мне разреши. Не маленький – уже пятнадцать стукнуло. Я быстро обернусь.

– Ну уж нет. Нашёл дурака. Если с тобой что случится, мать меня со свету сживёт. Давай моего вы-

ходного дождёмся и вместе сходим. Мне не меньше твоего интересно. Только ты расскажи всё с самого начала. Фотографировать не пробовал?

– Как же... Через стекло ничего не выходило. Получался чёрный квадрат. Открыл окно, сфотал «тарелку». А оттуда, видимо, чем-то бабахнули по мобильнику. Сейчас всё работает, а звука нет. Может в динамик попали?

– Телефон починим. А снимок-то получился?

– Конечно. Вот гляди. – Сёмка пощёлкал кнопками, и на экранчике на тёмно-синем фоне появилась та самая «тарелка», которую несколько минут назад наблюдал Павел Васильевич.

– Ладно, дождёмся выходного. Только дай слово, что один ни шагу. И матери ни слова, а то обоим прилетит.

Всю неделю Сёмка жил, как на иголках. Нетерпелось обследовать замеченное место. Но вечерами, как обычно, следил за своими «друзьями» исправно. Наконец наступил долгожданный день. У отца выходной, а сын в школе отпросился с уроков, мол, голова сильно разболелась. Пока Людмила была на работе, два заговорщика положили в рюкзак еду, термос с горячим чаем и тёплый шерстяной плед зелёно-бурого цвета: вдруг спрятаться или заночевать придётся. Не забыли бинокль и фотоаппарат. Мобильники решили не брать – а то зазвонит в самый неподходящий момент... Кто его знает, какая ситуация сложится. Оделись потеплее – и в путь.

Гора только с виду казалась доступной для лазания. На самом деле была очень крутая. Ставшая соломой прошлогодняя трава превращала дорогу в каток. Сделаешь шаг, и покатишься снова вниз. Пришлось подниматься, где ползком, хватаясь за вы-

ступающие камни, где цепляясь за ветки низкорослых берёзок. Они хлестали по лицу и рукам, словно предупреждая: «Туда нельзя». Но отец с сыном упорно пробивались вперёд. До верха добрались часа через два. Место, куда приземлялись Леты, оказалось не ровной площадкой, а бугристым мелколесьем.

– Странно, – удивился Павел Васильевич, – Как здесь можно поместить летательный аппарат?

– И деревьев примятых нет, – поддакнул Сёмка. – Ведь сам видел, что именно сюда.

Тяжёлые шаги заставили отца и сына мигом обернуться. Из-за большого соседнего бугра вышло человекообразное существо. Высокого роста. Тело закрывал серебристый обтягивающий фигуру костюм с капюшоном. На неподвижном, как маска, лице горели зеленью два больших глаза. Маленький с одной дыркой нос, плотно сжатые тонкие губы. Вот и всё обличье. Павел Васильевич обнял сына и прижал к себе. Жутковато ему стало от такой встречи. Каково мальчишке. Но деваться было некуда. Да и ноги, как приросли к земле. Вдруг существо раскрыло рот, и на русском языке скрипуче спросило:

– Зачем пришли?

– Мы ничего, – вдруг тоненьким голоском из-за отцовской спины пропищал Сёмка. – Только посмотреть. Мы с добром...

– Да, да, – закивал Павел Васильевич. – Мы действительно ничего плохого не затевали. Просто увидели, как вы приземляетесь сюда, решили познакомиться. Может, чем вам помочь надо? Хотя, по правде, думали, что сейчас здесь никого нет.

Существо раздвинуло в улыбке губы.

- Нам помочь? Смешные люди. Это мы летим сюда для помощи вам.

- Как это и кто вы?

- Мы - Байки. Главная наша база пока закрыта толстым льдом. Летаем с другой. Она на Селене.

- А вы почему здесь?

- Я - дозор.

- Ага, охранник значит. И чем вы здесь занимаетесь, если не секрет?

- Перезагрузкой.

- Чем, чем? - удивился Павел Васильевич.

- Простого не знаете. Многие человеки перестали быть людьми. Они не хотят жить по законам природы. Не хотят быть грамотными. Одни по своей воле, другие по воле правителей, которые пишут неправильные законы и заставляют народ по ним жить. Корысть заглушает совесть. Идёт всеобщее поклонение золотому тельцу. Льётся кровь, уничтожается природа, гибнут и сами человеки от всяких вредных веществ. Вами давно правит другая страна. Плохой конец её ждёт. Уже недолго осталось. А человеков надо перезагрузить - сменить сознание, чтобы снова людьми стали, пошли по правильному пути развития.

- И что это будет?

- Хорошо будет. Люди перестанут зря вырубать леса. Начнут правильно воспитывать и учить детей. Высоко поднимутся образование и наука.

- Хорошо про это рассуждать, - вздохнул Павел Васильевич. - Разве мы против. И безработица заела, и наркоту с пьянством, как сорную траву, с корнем выдернуть надо... Но когда всё образуется? По мне, пусть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили.

Сёмка, крепко прижавшись к отцову боку, молча слушал разговор. Он мало что понимал, но осознавал, что Леты делают добро.

– Образуется, – проскрипело существо. Придёт срок. А еще охраняем наш Байкал. На него тоже чужие руки нацелились. – Вроде слышал что-то...

– Слышал... Действовать надо. А вы, человеки, разленились. Вынуждены мы помогать. Иначе загубите прекрасную планету, на которой живёте. Нам это не безразлично. Теперь идите. Скоро прилетят мои товарищи. Вы к контакту пока не готовы. Идите и молчите. Придёт время, мы сами начнём контакт. И объясним вам, что надлежит делать.

Сёмку и Павла Васильевича долго уговаривать не пришлось. Кубарем скатились они с горы и со всех ног побежали домой.

– Откуда вы такие запыхавшиеся? – Спросила Людмила.

Отец с сыном переглянулись и, не сговариваясь, наперебой ответили:

– На рыбалку ходили. Только клёва сегодня нет. Да и бур для лунки дома оставили.

– Зато я в магазине рыбки наловила, – засмеялась Людмила. – Мойте руки и за стол. Жареных омульков будем есть.

Очень хотелось Сёмке рассказать и матери о лётах. Но дал ведь мужское слово – значит, молчи. «Наблюдать всё равно не перестану, – думал он. – На это не обещался. До самого конца своё «кино» досмотрю».

Операция

Светлана сидела в самолёте напряжённая, как струна. Она летела из одной третьей страны и везла с собой портфель с очень ценными документами. Почему-то за ними отправили не опытного разведчика, а её – молоденькую красивую журналистку. С заданием она справилась, хотя пришлось и попотеть. Всё в порядке. А вот на душе мутно. Какое-то чувство, наверное, интуиция, подсказывало, что эти чёртовы бумаги – её смерть, ведь она единственная свидетельница их существования. Может, и пронесёт... Но сердце натужно ныло. Вот и посадка. Как тростиночка, вышла Светлана на трап. Тёмно-синий костюм подчёркивал стройную фигуру. Красивые ноги обуты в туфли на высоких каблуках. Рыжие волнистые волосы солнечной рекой лились чуть не до пояса. Она сразу увидела машину того, чьё задание выполняла. Рядом по обе открытые дверцы стояли незнакомые ей люди в штатском, но с соответствующей выправкой.

– Дела – хуже некуда, – подумала она. – Точно – кроме бумажек этим ничего не нужно. Придётся своё умение пускать в ход, благо, они об этом не знают.

Она положила на трап портфель и тут же превратилась в лёгкий ветерок: невидимый и почти неосязаемый. Пока встречавшие бежали к трапу и забирали документы, она летела уже далеко. Над домами, потом над дачами. Думала, оторвалась. На одном участке увидела женщину, упала

ей чуть не под ноги. Насколько могла рассказала свою историю и попросила спрятать на время.

– Ничего не получится, девочка, хоть мне искренне жаль тебя. Слышишь, урчит мотор? Гонятся за тобой. По всей видимости, твой маршрут для них не тайна.

– Что же мне делать? – Разволновалась Светлана, – неужели помочь некому?

– А ты, дочка, быстрее, пока совсем не смерклось, до лесу лети. Где чаща, да болото. Там машина не пройдёт. Пёхом – утра ждать придётся. А тебе спасение – дед, что живёт в лесозавале уже тыщу лет. Ежели схочет, поможет. Больше некому.

Поблагодарив добрую хозяйку, Света, снова став ветром, полетела к лесу, к самой чащобе. Было уже почти темно, когда она опустилась на небольшую полянку. На ней стоял топчан, стол с колченогим стулом. А неподалёку, словно дремал, неказистый неизвестно из чего слепленный, домишко. Из него-то и вышел со свечой в руке старик. Высокий, сутулый, в тёмном балахоне из какого-то рядна. Голова непокрыта. Седые волосы достают до плеч. Пушистые усы и длинная борода делали его похожим на Деда Мороза. «Увидеть бы глаза – добрые или злые», – подумала Света. А вслух тихо сказала:

– Здравствуй, дедушка! Не по своей воле, а по несчастью пришлось побеспокоить тебя. Мне ещё и двадцати годков нет, а уже смерть над головой пауком висит. Помоги, если можешь...

Постоял над ней дед, покачал головой, а потом так же тихо ответил:

– Ложись на топчан. Резать буду. В правой ноге штуковина какая-то есть. Она и направляет этих хриstopродавцев на твой след. С ней не сможешь ты спокойно жить, ежели, как рассветёт, не уничтожат. А заодно и меня, за то, что тебя видел.

Света, трясаясь от испуга и дедовых слов, улеглась на топчан.

– Не так. Повертайся животом вниз.

Повернулась.

– Счас сожми зубы, чтоб ни крику...

Дед потёр вонючей мазью ей ногу и полоснул ножом.

– Вот и всё. Счас привяжем енту хреновину к лапке квакушки. Пусть себе за ней по болоту рыщут.- Он снова намазал ей ногу и приказал: – видишь, где серенький туман клубится? Туда немедля лети. Дальше дорога. А там и до дому доберёшься.

– Спасибо, дедушка, спасибо, родной. Всё делаю, как велишь. Век буду помнить твою доброту. Прощай! – Она вновь обернулась ветром и полетела, куда указал старик.

...И проснулась. В окно всюю светило солнце. А так хотелось досмотреть интересный сон – чем же всё кончилось? Пора было собираться на работу. За всё время службы в редакции она никогда не опаздывала, а став главным, тем более – должность обязывает. Среднего роста, статная. Чуть располневшее тело нисколько не портило стройную фигуру. Только волосы, ещё смолоду, поседелли. Пришлось стать блондинкой. Но это пустяки. Блондинки, говорят, моложе выглядят. Быстро прибрав постель и сделав лёгкую зарядку, Светлана Петровна пошла в душ. Любила в утренние

часы побаловать своё тело тёплой водичкой. Какое блаженство! Вдруг из неё упало в ванну что-то странное – похожее на два слепленных малюсеньких бублика темно-коричневого цвета. Именно упало, потому что был явственно слышен шлепок о ванну. Она нагнулась, чтобы подобрать и рассмотреть неведомое, но вода из душа смыла его в сливное отверстие.

– Ну и ладно, – подумала Светлана. – Может быть что-нибудь к телу прилипло. Бывает. – Помывшись, приведя себя в порядок, наскоро позавтракав, она, как всегда, к девяти часам сидела уже за своими бумагами. Услышав, что пришла дизайнер Женя, вышла, чтобы дать указания насчёт новой страницы.

– Ой, Светлана Петровна, – вскрикнула Женя, – откуда у вас такой глубокий порез на ноге? Поранились?

– Вроде нет. – Светлана села на диван, развернула поудобнее ногу и стала внимательно осматривать «рану».

Порез и в самом деле глубокий, чуть не до кости. Но края ровные, розовые. Никаких кровоподтёков или синяков. А, главное, никакой боли. И следов рубцевания не видно. Прямо загадка.

– Не знаю, – ответила она Жене, – что, откуда взялось и почему. Может, НЛЮ прилетали, – пошутила она. – В наш век всё бывает.

Порез просуществовал полгода, ничуть не меняясь и не беспокоя. А потом сам по себе исчез, даже следов не осталось.

Ветер и музыка

Сидят чайки на камнях у моря, ждут погоды. Но ветер упрямый несёт лишь невзгоды: бурлит вода, волны поднимаются. Настоящий шторм начинается. Метался так ветер, дороги тора, и не заметил, как взошла заря. Белолицая и румяная, платье на ней солнцем тканое. Посмотрела округ, ужаснулась – к Ветеровичу повернулась.

– Что ж ты, буйный, никак не уймёшься, полезным делом не займёшься? Дай птицам покормиться, рыбакам подсуетиться.

– А мне-то что делать, в горах завывать?

– Другие возможности в себе открывать.

– Какие? Ведь я ничего не умею.

– Подумаешь, сможешь, желанье имея. Но, правда, если хвост – начало, там, извини, голова мочало...

– И вовсе не мочало. Ты сроку дай сначала.

Затихла вся округа – задумался то ветер. А чайки мигом влёт, рыбёшка всяка прёт. Удилища забросив, рыбаки ведрами улов свой волокли. А ветер, спрятавшись, всё думал: какой талант в себе сыскать, чтоб всем на свете доказать – он умелец дивный, а вовсе не противный. Засел вопрос гвоздём в стене. Башка пылает, как в огне.

Тишина кругом, словно кисель ведром. Раскинулось море широко, нет силы в нём. Ну, что без звука – сплошная ведь скука. И вдруг – трепак над морем гарк! Всё громче и увереннее так. И сразу морю захотелось танцевать, с бурунчиками беленькими поиграть. И чайки встрепенулись, и люди улыбнулись.

Оказывается, к ветру пришла идея – сделать флейту, как у Леля. И смастерил он дуду забавную, стал музыку на ней играть заздравную. Ходят теперь люди – удивляются: музыкант невидимый вдруг появляется. Даже море урядилось, красивым звукам покорилося. Веселее стало жить, задронее. С музыкой – оно вольней, просторнее.

Мирошкина заноза

Жил в нашем лесу леший (так прозвали его люди), хотя имя ему было Мирошка. Правда, когда-то величали Мирон, но об этом уже и не помнил он. С тех пор, как с женой разбежался, так в бобылях и остался. Ушёл из города к природе, построил домишко, да там и «окопался». В хате две комнатёнки. В одной сам спал, в другой дела решал. Ведь он был лесничий главный на весь наш лес славный. Только хмурый ходил, тоску наводил. Люди его не любили, хотя и зла не таили. А за что привечать? Живи для людей, проживут и они для тебя. А так, с кем познаешься, у того и навхватаешься. Было бы чего хорошего. Но с ним водиться, что в крапиву садиться. Мальцов, которые по грибы и ягоды ходили, пугал. Бабам проходу

не давал. Ладно бы жениться, а то повеселиться. Мужиков, правда, боялся – стороной ходил. Опасался, что проучат, жить по-своему научат.

Но иной раз раздумья опосля, приходила к Мирошке большая «мысля»: завести себе подружку, хоть для досугу. Она и в доме приберёт, обед наварит, да и его обласкает. «Только где её найти, суметь в «норку» увести»? Ростик у был он невелик. Лицо, как плошка. На голове седина нечёсана, поди, с блошкой. Усы, борода – вот и всё обличье. Остальное тоже мужичье. С людьми, коль доводилось, говорил торопясь, остановят, что боясь. Ведь дома всё молчком, потому и ходил бирюком. В святцы он не глядит – ему душа о праздниках говорит. Поработает, натрудится – аж нутро горит. Наскребёт миску каши, набуровит самогонки стакашик – вот и благодать, теперь душе не тягость.

Однажды в праздник в лес вышел весь народ гулять, себя и других потешать. Кто с балалайкой, кто с гармошкой. Но не позвали на гулянье Мирошку.

– Не больно хотелось, думал он про себя. – Чего туда лезть, коль не любят меня...

И все-таки не выдержал, пошёл. Но до лесной поляны не дошёл. Остановился у края леса, пугнул с пенёчка беса, уселся удобно – лишь поглядеть скромно. И было на что. Девки песни поют, бабы языками небылицы плетут. А одна как пошла плясать – впору «жару» поддавать. С музыкантов пот течёт, она каблучками всё скорей сечёт. Сколько ей лет, трудно сказать. Но ясно, не стара. В платьице цветастом ярко-красном. Быстрая, ядрёная – словно огневушка-поскакушка весёлая. На неё глядячи, Мирошка неуклюже затопал ногами,

почему-то заплясали они сами. Кто-то засмеялся: «Вот забрало, так забрало, прямо сердце запылало. Тещь его, тещь его и не бойся лешего».

– А я вовсе не боюсь. Счас пойду и поклонюсь. Здравствуй, Мирошка, пошли в круг хоть на немножко. Ты к нам гладью и мы к тебе не гадью. Ужо будя сторониться. С народом тесно надо жить и по-хорошему дружить.

Отказался леший в круг пойти: «Всяк кулик на своей кочке велик». Но и она не ушла. Села на травку.

– Чего боишься? Видно, когда-то ты сладко захватил, да горько слизнул... Надо меняться. Нельзя за старое держаться. Живи новым, станешь прощённым.

– Ты чьих будешь? – спросил Мирошка. – Ранешними днями тебя не видывал.

– Кириенковы мы. Только батьки с маткой давно нет. Муж где-то бродит, оставив лишь след. Вот и кукую в одиночестве. Так что сама я себе высокочество.

И Мирошка, набравшись смелости, позвал:

– Иди ко мне жить. Не будешь тужить. Вдвоём хороводиться легче. Огород разведём, живность там заведём. И всюю заживём. Только как тебя звать, чтоб всегда величать?

– Зовут меня Ветра. Имя простое. Но какое-то малость чудное.

– Красивое имя, приметное. Будет теперича мне заветное.

На взгляд его, была она совсем даже ничего. Лет, поди, полста и тоже не «верста». Кудрява, молажава (не сравнить, конечно, с павой). Но лёгкая и скорая, наверно, на работу спорая. Щёки алые,

на губах улыбка. Вообще бравая. «Може и правда сживёмся, -думал он. – Не понравится – разойдёмся. Это дело без конца, коли не было венца».

Глянула женщина на Мирошку, и вдруг сердце защемило. «Никому не нужный, отщепятый, словно гриб в лесу замятый». Жалость поднялась горой, глаза наполнились слезой. «А може и есть это суженный мой? Будь, что будь, пойду я с тобой». Собрала она вещички немудрёные и в лес подалась к себе на новоселье, оставив подружкам квасу и печенья. Чтоб не забывали, почаще навещали. По-разному принял люд Ветрино решение. Кто головой мотнул, мол, «Вот дурёха», кто отговаривал... Только прошла она мимо пустообрёхов. Ничего не помешало, коль судьба так замешала.

Потихоньку привыкла Ветра в новом доме хозяйкой быть: убирать, стирать, порядок наводить. Стало в хате светло и чисто – не жалела пальчиков. Даже солнце поутру в оконце набросало «зайчиков». Пирогам запахло, борщом. Всё по-людски, всё путём. Засеяли огород, сад в сторонке посадили, усадьбу цветами оградил. Тропки битым кирпичом обрядили, чтоб красивее было и не скользили. Не двор, а загляденье – Ветрино умение. И лешего не узнать. Стал красивые штаны одевать и рубахи на чистые менять. В баню часто ходить, голову чесать, чтоб себя уважать. Удивляется народ: не Ветра это, а чистый водоворот.

Поначалу всё понравилось Мирошке. Загордился – человеком стал. А потом потихоньку порядок этот шибко его достал. В хату не зайти в обувке, за стол не сядь без чистых рук, ходи в баню, меняй то и дело одежду. Словом не житуха, а сплошная надежда, что вернётся всё прежнее, где

хозяином сам был, что хотел, то и делал. Как знал, так и жил. А тут, куда не зайди, везде хозяйка впереди. И уходил он в лес далёко, чтобы побыть там одиноко. Сядет на пенёк в тенёк – охота взад пятки хоть на денёк. И мысли только об одном бегут, никак покоя не дают.

И решил сказать он Ветре всё начистоту: мол, семья не получилась. Да и как бы всё случилось? Ведь по паспорту он пока женат. Может ещё судит вернуться к старому назад. А Ветра – так, от скуки. Сгодились и рабочьи руки. Говорит, заикаясь, будто слово слову костыль подаёт. Стыдно. А то Ветре не обидно. Слушала она его внимательно. «Плети плетень, сегодня твой день». Потом разозлилась основательно.

– Чужая судьба – это тебе не мячик, чтобы по двору гонять, да в сетку забивать. За своё злодеяние получишь ты наказание. Чтобы оценил сполна, что такое есть жена.

Взяла из солонки щепотку соли, рассыпала её на ладошке, что-то пошептала и бросила в Мирощку. Хотел он вскочить и ругнуться при том. А вышло «мяу» – стал вдруг леший котом.

– Брысь отсель, – повелела она. – Найдёшь себе келью и под елью. Столовая твоя теперь яма с помоями. Холодно станет, в баню пойдешь. Там одиночества – сколь хошь. И помни: борода в честь, а усы и у кошки есть.

Заплакал кот, уши прижал. Такого исхода не ожидал. Пошлёлся во двор. Хотел было в яме порыться, чтоб хоть немножечко подкрепиться. Стал грести лапой какой-то кусок, а тут как на грех соседский Дружок. Зарычал, потом залаял: «Здесь

такие не живут и из ямы пусть не жрут»... Закапали слёзы снова, что чужак на него так сурово.

– Эх, Дружочек, милый ты мой, я здешний хозяин, лишь в шкуре иной. Жена заколдовала, жить на улицу послала. Чтоб вдали от домишка набрался я умишка. А оно ко мне нейдёт, видно, котик пропадёт...

Пожалел кота Друдок – принёс из дома пирожок. Подкрепился Мирошка и сиганул в банное окошко. Улёгся на коврике, думал поспать. Может, проснётся, а всё это сон. И вовсе не кот, а Мирошка он. Только закрыл глаза, услышал писк. Мыши явились, забыв про риск. Он их даже не стал пугать. Вместе придётся, поди, ночевать. Оценили мышки отношение, сделали сырку подношение. Снова заплакал кот: «Всем меня жалко. Только Ветра, как без сердца, палка. Вот помру, пусть тогда слёзы льёт. Ишь, негодница, даже в дом не зовёт».

Прошло три дня. Сидела Ветра у окошка, смотрела на котового Мирошку и думала: «А ведь он не виноват, что такой испорченный. Смолоду по девкам ходил, и никто не осадил. Привык, как кот, жить сам по себе – без привету, без ответу... Видно, не дал ему Бог главного подарка – умения любить женщину. Он, бедолага, не ведает, что из светлой души и жаркого сердца вырастает невиданной красоты цветок, где блещет солнцем каждый лепесток. Он никогда не вянет, а даёт обоим силы и счастье. Без этого в жизни одни ненастья. А Мирошка – верхогляд: понравилась девка – пожил, разонравилась – бросил. Вроде и не мать его родила. А любовь не каждому даётся, лишь кто

душой не продаётся. Так зачем его мучить, силком заставлять? Своим умом всё он должен понять».

И снова взяла Ветра щепотку соли, рассыпала её на ладошке, пошептала. Вышла на порожки и бросила в Мирошку. Опять стал он самим собой. Посмотрела она и сказала: «Пошла я домой. Ты живи, как знается, не стану неволить. Но к себе неуваженье не могу я позволить. Тяжело уходить, обидно. Люблю я тебя, разве не видно? Только в сердце твоём пусто. А где пусто, там не растёт и капуста. Ты думай, что тебе надо. Ну а я теперь не твоя отрада».

А в поселковом клубе тьма народу. Приехал народный ансамбль «Победим непогоду». Пели, плясали, на гусях играли. Когда малость они подустали, подружки про Ветру им рассказали: как она пляшет заразительно, почему о ней не знают, поразительно. А тут и Ветра появилась – пришла концертом полюбоваться. Ну, всем миром упростили её своим талантом показаться. Уважила, прошла по кругу. И стала ансамблю сразу другом. Главный в радости подарил ей коробку сладостей. А потом сделал предложенье – войти в ансамбль из уваженья. И ездить с ними по городам и селеньям – нести людям радость и веселье.

Подумала Ветра – «Это лучший исход». Согласилась. И уехала в свой первый «поход». Остался леший один – сам себе господин. Поначалу обрадовался. Снова в ход пошёл прежний уклад, будто сняли с него тяжёлый оклад. Но не прошло и недели, как стал он Ветру вспоминать, а потом и себя укорять, что не оценил, счастье упустил. Тогда решил он жить, как бывало. Чтобы Ветра вернулась и не страдала. В хате прибрался, в баньку

сходил. Оделся чисто, стал учиться говорить речисто. Чтоб, как свидятся, сказать ей, как худо без неё ему. Что она схочет – быть по сему. Ведь никто его так не жалел и о нём не заботился. А он, паршивец, на добро скосоротился. И почувствовал в сердце такую тоску, что хоть счас одевайся в гробовую доску.

А тут девки вертлявые, узнав, что Ветры нет, решили заглянуть к Мирошке на обед. О том, о сём поговорить. Если получится, и окрутить. Может, кто сглянется, замуж возьмёт. Может, любовь к кому сильно проймёт... Посмотрел на них леший, смачно сплюнув, сказал: «Разлетайсь по домам, покуль веник не взял». А потом сел за стол и заплакал. Всё же человек он, а не собака. Любит он Ветру всем сердцем своим. Но счастье даётся лишь только двоим.

Вдруг из под ног его потекло что-то чёрное и липкое, как Сажина хлипкая. Пошёл за тряпицей – вытереть в доме. Глядь, сажень слежалась уже в чёрном коме. Как мячик, она покатила за дверь, будто испуганный зверь. На душе стало пусто и чисто, хоть верь, хоть не верь. Задумался Мирошка, как ему жить, как Ветру вернуть и с людми подружить? Без этого ему добра не ждять. Значит, надо документы выправлять. Получил о разводе свидетельство. Сделал рамку со стеклом, вставил его туда и повесил на видное место. Чтобы Ветра поняла – настоящая она невеста.

А потом, отмывшись в бане, сел он писать письмо. Для Ветры было оно. Трудился над ним неделю, слов много накуделил. Прощение просил и клялся ей в любви потом. «Не будет возврата к прежнему иль вечно мне быть серым котом.

Ты ведь только прости, все грехи отпусти. Стань законною женой на веки вечные. Глянь на всё с душой – человечнее»... Запечатал письмо в конверт и сбросил в Ветрин почтовый ящик. Приедет – сразу прочтёт, быть может, и его поймёт.

Кончились гастроли, вернулся ансамбль в свои края. Приехала домой и Ветра. Понравилось ей выступать, но как с Мирошкой поступать? Не пришла остуда, любовь жива покуда. Оттого на сердце грусть. Что поделать? «Ну и пусть». Тряхнула кудрями, взошла на крыльцо и тут увидела она письмецо. Глаза засияли. А сердце заньло... «Выходит, и впрямь ничего не забыла». Вошла в дом, бросила на пол чемодан и скорее на диван. Стала читать, словно мечтать. «Понял всё Мирошка, вон как винится. Что не прощу, очень боится». Бегают по буквам глаза, а по щеке уже струится слеза. Но не от горечи, а от радости. Поняла она, что зло из него ушло, одно добро осталось. «Статься, и любовь пришла... А может, показалось? Зачем гадать, лучше в глаза посмотреть. Только лишь в них можно правду узреть». Наскоро переодевшись, побежала Ветра в лес.

А к Мирошке в дом вдруг нагрянул бес.

– Что сидишь и с нами всё воюешь? Хватит позевать, можешь счастье прозевать. Не уподи невзначай – беги Ветру встречай.

Сошлись они на поляне, где когда-то шумело гулянье. Крепко обнялись, словно отдавая себя друг другу. Целовал Мирошка в губы дорогую свою подругу. Потом встал перед ней на колени, обнял её ноги и заплакал. Слёзы растеклись по траве. Она улыбалась и нежно гладила его по се-

дой голове. Правду говорят, цену вещи узнаешь, как потеряешь.

А потом была свадьба. Сначала расписались в ЗАГСе поселковом. Уже никто не звал Мирошку бестолковым. Величали Мирон Евсеич. Желали счастья и чтоб не было в жизни ненастья. Смеялась от радости и Ветра. Теперь она не Кириенко, а Лешевенко. Устроили пир на той самой поляне. Такое же было точно гулянье. Каждый мед, пиво пил. По усам текло и в рот попало. Тут и сказке конец. А леший-то каков? Молодец!

Капкан для Кощея

Сидит Ворон, всяких дум полон, на дереве
и слёзы льёт. А они, как долетят до земли,
превращаются в лёд. Да не простой, а зелёный.
Уж поляна изумрудами полна, но слезливая всё
не кончается волна.

- Уймись, братец, будет, - кричат ему лесные
жители. - Теперь драгоценностей нам жизнь на
всё ссудит. Дома построим, школу, больницу. Будет
у нас не лес, а столица.

- Ладно, - вытер Ворон глаза. - Вам видней.
Лишь бы на душе было веселей.

- А куда сразу много? - Сказал Топтыгин. -
Надо будет, добавишь. А так от греха избавишь:
начнётся, не дай Бог, делёжка - не останется и лу-
кошка.

Изумруды быстро продали. На деньги строи-
материалы напукнули. Началась в лесу стройка
на месте убранный помойки. Всяк с утра на работу

бегом – озаботились трудом. На полянах избы, как грибы растут. Крыши высокие, на всех выточены коньки одинокие. Наличники узорные, крылечки подборные. Ходит Ворон по стройке – проверяет, куда его денежки убывают. Правильно расклад идёт, не ворует ли народ? Но как раз наоборот. Вот и отрадно, что во всём ладно. Прослышал про волшебного Ворона Кощей бессмертный. Завистливое око видит широко.

– Мне б его к себе на службу. Сначала завести хоть дружбу. А после – в темницу. Пусть плачет день и ночь, я не прочь.

Послал Кощей Ворону приглашение на большое угощение. Подумал тот и согласился: «Не век вековать, одну ночь ночевать». Почистил пёрышки, дал наказ работникам на время своего отсутствия и отбыл в кощеево царство – в иностранное государство. Оно находилось за двумя горами. На вершине одной из них, самой высокой и стоял Кощеев дворец одиноко. Хозяин принял гостя дружелюбно. Завёл в лучшие палаты, усадил за стол с закуской. Вобщем подчивал по-русски. После третьей чарки стал Кощей «мосты» наводить, разговор в сторону богатства уводить.

– Что тебе – такой могучей птице на лесных работать? Добром их снабжать, себя обделять? Иди в помощники ко мне. Это выгодно тебе. Мы вдвоём к рукам весь мир приберём.

– Гладко стелешь, – отвечает ему Ворон, – да, видно, кочковато спать придётся. Глупа та птица, которой гнездо своё не мило. Так что моё умение не продаётся.

– Давай-ка ещё по одной. Не спеши с ответом, подумай.

– Да ты брать меня в помощники раздумай. Толку нет теперь. Выплакал я свои очи за четыре ночи. Больше нету слёз, значит, нет и грёз.

– Это всё отговорки. Давай всё сначала. Ты ведь холост. Отдам тебе в жёны дружочку свою самую красивую дочку. Хоть ты и птица, но можно с тобой породниться.

– Ох, и липуч же ты, Кощей. Дочку замуж выдать, не пирог испечь. Подумай своей башкой: можно ли птице с женщиной лечь? Придёт время, найду себе по сердцу ворону. Мне не нужна твоя корона.

Озлился Кощей, но вида не подаёт, лишь ласковым голоском поёт: «Дающие глаза не оскудевают. Наплачь мне немного изумрудов в подарок на день рожденья. Останется память от сегодняшнего веселья». Просьбу Ворон услужил, но себе шибко навредил. Камни Кощей даже на свет глядеть не стал, сразу в кубышку закатал. «Это долгожданное дочерям приданное». А потом подпоил гостя сонной водой – и в темницу. С глаз долой.

– Здесь уж точно слёзы начнёшь лить. Значит, изумрудики плодить...

Проснулся Ворон, загорюнился. Плохо ему. Воздух парит, марит – знойно и душно гнетёт. Бедному узнику вздохнуть не даёт.

– Ох, волька, моя волюшка, горькая долюшка. Чтоб тебе, Кощей лукавый, ежа против шерсти родить. А мне найти способ тебя победить.

Вдруг услышал узник – в окошко кто-то скребётся. Подлетел ближе – незнакомая ворона то так, то эдак повернётся. Увидела, тихонько закаркала: «Не горюй, Ворон».

– Как не горевать? И сон не берёт, и дрёма не клонит, еда на ум нейдёт. Вот каков вышел поворот.

– Главное, ты слёз не лей, чтоб не рад был нашей беде Кощей. Весь лес взбунтовался. А мирская молва, что морская волна. Со своего пути может всё смести. Потерпи лишь чуть-чуть. Сообразим что-нибудь. А пока друзья послали тебе еду, чтоб не отошал, в беспамятство не впал. А то Кощей тобой быстро управит – день и ночь тебя плакать заставит.

Просунула она крылом узелочек. В нём зерна полный кулёчек.

– Каркай громче и чаще, чтоб Кощею на мозги давить. Не выдержит, начнёт вопить, заговариваться. Потом к тебе прибежит договариваться. Условься с ним загадки разгадывать. Ежели из пяти хотя бы три отгадает, останешься, мол. Нет – обязан тебя отпустить. Но он не может не схитрить. Потяни время. Знаем, как Кощея приструнить и тебя освободить. – Сказала и улетела.

Подкрепился Ворон, прибавил сил и как забасил: «Карр, карр, карр»... Всё громче и громче. А в палаты эхо разносит всё звонче, да звонче. Кощею сначала весело стало. Потом это сольное пение его достало. Сперва он надел на уши беруши – не помогло. Под подушками тоже не отлегло. «Да, Ворон хитёр. Гольми руками не возьмёшь. Надо разговор вести, как хошь»... Позвали Ворона к Кощею.

– Уймись Ты, касатик. Чем недоволен? Только прошу: не бай мне про волю. Её не получишь. Разве таланту своему научишь.

– Ты кто такой? – Возмутился Ворон, – ни в городе порукой, ни в дороге товарищ, ни в лесу сосед. Никакая сорока в своём гнезде не гадит. А ты сподобился: пленника взял. Теперь учиться надумал? Тебя учить, что по лесу с бороной ездить. Да таланту не научишь, он с рождения даётся и совсем не продаётся. А вот уговор могу заключить с тобой.

– Это ж какой?

– Обскажу я тебе пять загадок. Коль на них три найдёшь разгадки, останусь у тебя подобрю. А нет – придётся расстаться по-здорову. Надеюсь, уговор не суровый?

Призадумался Кощей, лысину почесал, в носу поковырял... и добро на это дал. «Нет такой загадки, чтоб я не знал отгадки».

– Изволь. Вот тебе первая. В холоде герой, а в избе водой.

– Хи – хи – хи. Кто же не знает, что снег это тает. Миленький мой, забудь собираться домой.

– А ты не спеши. Вторую загадку мою разреши. Что выше леса, а тоньше волоса?

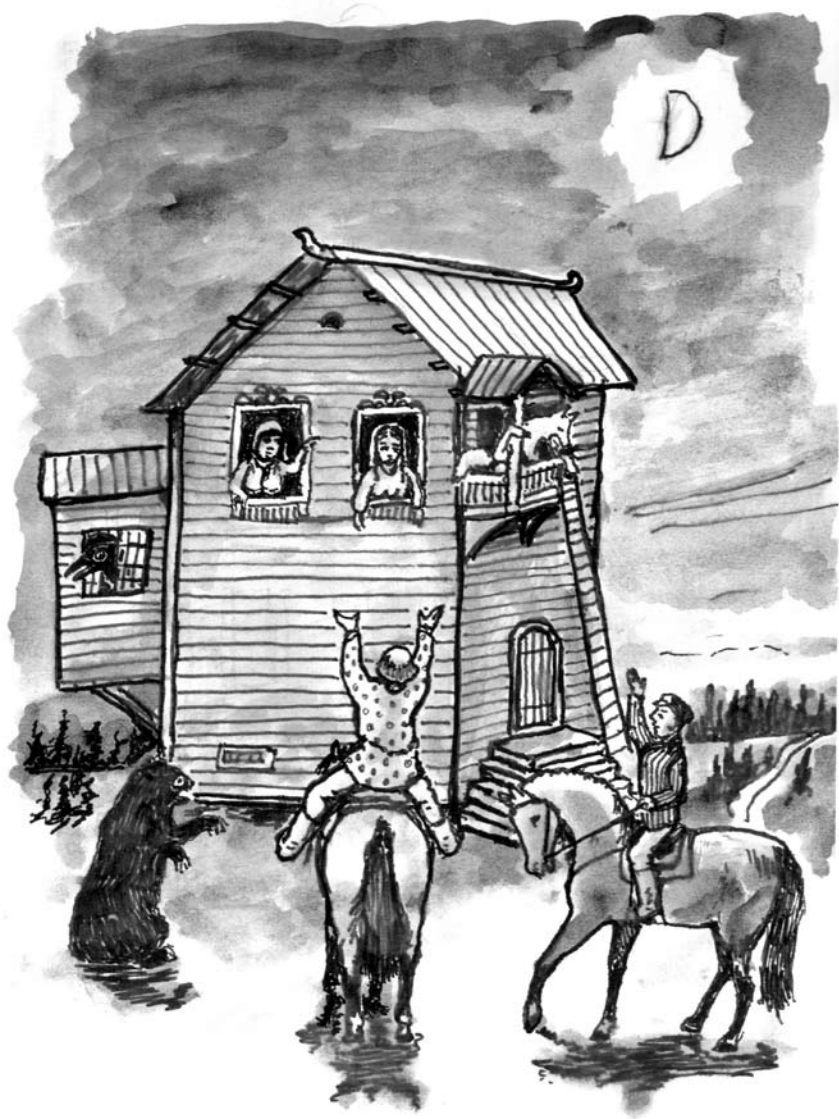
И так, и сяк прикидывал загадку Кощей – не идёт в голову разгадка к ней. «Там ещё есть три – давай-ка эту назови».

– Ветер. Нет заулка, куда бы он ни проникал, до костей не продувал.

Шмыгнул носом Кощей, согласился. Но на Ворона сильно озлился. «Третью давай, да полегче бай».

– Эту и вовсе, наверное, помнишь: чего к стене никогда не прислонишь?

– Да я кого хошь прислоню, так, что не отслонится.

– Не ответ это.

– Ответ будет летом, когда женихи моим дочкам поклонятся.

– В умной беседе ума набраться, в глупой своей растерять... К стене никогда не прислонишь дороги. Для тебя уж бьют тревоги. Две осталось всего. Будет дальше весело. Шуба нова, на подоле дыра...

– Откуда знаешь, что нынче моль негодница мою шубёнку съела, вольница?

– И вовсе не знаю. Не так, сизый голубь. Правильный ответ – прорубь.

– Где ты их берёшь с такими завитушками? Давай попроще. Играем не в игрушки ведь.

– Что стучит без рук? Отвечай, мой друг.

– Таковую задал ты мне парку, что нестерпимо стало жарко. Счас разоблачусь, с ответом быстро я найдусь.

– А он простой – гроза. Так что поплачут твои глаза. Не сумел отгадать, придётся меня отпущать.

– Отпущу, – вздохнул Кощей, – только съешь со мной плошечку щей.

Снова подпоил, вражина, Ворона сонной водой. И оставил лежать в темнице сырой. Не сдержал Кощей слова, наказание будет сурово.

А в лесу свои заботы: как с Кощеем совладать и в «капкан» его поймать? Чтобы стройка не страдала, выбрали совет: самых умных и речистых, главное, на руку чистых. Собрались те на поляне, прям, как мирные селяне. Топтыгин, Лев, Лисица и малая Синица. За главного медведь, ему и первую «песню» петь.

– Вот как всё я разумею. Прежде, чем идти к Кощею, надо к людям нам сходить, помощи у них просить. У Кощея есть две дочки – прямо сущие цветочки. Ради них его все рвенья. В этом есть наше спасенье. Ищет он им женихов, да побогаче. И мы поступим не иначе. Найдём меж людей двух хороших ребят. Чтобы понравились, да взяли убёгом девчат. Потом быстро под венец и за свадебку. Вот Кощею и конец. Сочет с дочерьми родниться, должен сильно повиниться. Ворона освободить и дальше мирно с нами жить.

– Чем с супостатом тем родниться, дозвожь мне голову ему отгрызть, – предложил Лев. – Зло ведь злом губится. Какой сват с ним слюбится?

– Полно, братец. Ты забыл, что для него ведь смерти нет. А вот ты к нему вполне попасть можешь на обед. Не битвой его брать, а хитростью надо. Вот это и будет наша отвага.

Пошли советчики в сельскую управу. Рассказали всё, помочь попросили – только без расправы.

– Ладно, пособим, – пообещал управный и велел солдату позвать купца Силу. – А что Ворон у вас самый главный?

– Почти, – отвечали просители. – Он у нас за казначея. Стройкой занимается. Во всём разбирается. Без него мы, как без рук. Умнее не найти округ.

Тут и Сила подоспел: «Велел явиться твой пострел»...

– Не явиться, а уважить посещением своим. Разговору хватит не только нам двоим, – кивнул он в сторону лесных посетителей. – Не пугайся их. Они не вредители. У тебя, Силантий, два парня женихаются. А у нас две невесты своего часу дожи-

даются. Обе – раскрасавицы, сынам твоим понравятся. Приданое за них дают лесные обитатели. Они по этой части добрые старатели. Только есть одна загвоздка – будет сват тебе Кощей. Но надавать ему давно пора «лещей». Девочек убёгом замуж отдать, тем супостату руки связать. Знаешь сам, сколь вреда причиняет. Справиться невозможно. А вот таким Макаром можно.

Силантий подумал, почесал за ухом, распушил усы пухом и молвил:

– Ну, что ж! За доброе дело постоим и мы смело. Как к девкам-то пробраться, да женихам показаться? Ещё уговорить и с башенки спустить.

Тут слово попросила Лиса. «Дайте только мне верёвку и большую лестницу. Стану я кудесницей. Я красавиц уведу, правильны слова найду. Женихи пусть ждут на конях, чтоб опередить погоню. Я Кощя задержу – байками заворожу. И Синица в том поможет.

– Молодец, кума, – поддержал её Топтыгин. – В церкви всё люди устроят и пир свадебный настроят. Пока опомнится отец, будет всему конец. Так что к стенке прижмём, куда денется он. Станет тише воды, ниже травы сидеть. Колыбельные разучивая песни петь.

Так и порешили, печатью всё скрепили. Начались в селе приготовления. Женихам родители дали благословение. Запресли парни брички, усадили совет лесной – и ко двору Кощееву рысцей. Добрались под вечер. Перед светёлкой здоровенную лестницу поставили. Дали Лисе верёвку с крюком «кошкой», послали рыжую к заветному окошку.

А в это время девушки вещи собирали. Надоело им Кощеев вред выносить, вольно хочется пожить. Женихов, что каждый год сулит, своим отношением только гневит. Да кто добрый-то захочет с ним родниться. Вот и сидят они, словно в темнице. Решили к старой тётке уйти, только как разыскать пути? А тут вдруг открывается окошко – и прыг Лиса на пол, словно большая рыжая кошка. Поклонилась девонькам.

– Не пугайтесь, милые. Не заставлю идти со мной силою.

– Далеко ли идти?

– Замуж, лапушки. Свахой я Лисица – бабушка. Гляньте вниз, какие красавцы стоят, вас дожидаются. За ними вам жить припеваючи. Раздумывать долго некогда, чтоб отец не всполошился, а потом не рассердился. Всё по-тихому устроим, с вашего согласия. Сразу под венец. А в селе свадьба готовится, чтоб не успел отец ваш сильно озлобиться. У женихов семья почтенная, так что встреча вам будет отменная.

Обрадовались девушки, на волю заспешили. О жалости к отцу они совсем забыли. Спустила Лисонька их вниз, к женихам. Те, выбрав невест, усадили их в брички на мягкий насест. И пустили лошадей во всю прыть, чтоб проклятое место поскорее забыть.

Утром проснулся Кощей – тишина. Не лепечут доченьки, песен не поют. И отца красавицы даже не зовут. Он в светёлку – а там одна Лиса.

– Что здесь делаешь, бесстыжие глаза? Куда моих дочурок спрятала, иль, не дай Бог, засватала?

– Не тебе о Боге вспоминать. Сядь-ка лучше – надобно потолковать.

Здесь и Топтыгин появился. Со свирепую мордою на лавку сел. Чуть отдышался, потом осмелел: «Не хотел ты, Кощей, по-хорошему с нами. Вышло для тебя по-плохому. Забрали сельские парни твоих дочерей убёгом замуж. Так что они теперь мужние жёны. Хоть заорись теперь глоткой лужёной».

Нахмурился Кощей. «За чужим добром не гоняйся с багром. Нехорошо шутишь, меня баламутишь.

– Говорю всё, как есть. Не виноват, что не про твою честь. Хочешь с дочерьми водиться, а потом и внуков нянчить, надо повиниться, с народом помириться. Ну и в наш лесок не совать носок. Ворона отпусти. Потом весь пар свой выпусти и к сватам иди. Да подарки не забудь, гляди.

Долго сидел Кощей смурной, голову повесив. Понял, что ради дочек не сделает он злой ни один шажочек. Вот уж руки связали, по-настоящему наказали. Велел Ворона привести.

– Ну что ж, птица, пришла пора проститься. Иди к друзьям хороводиться, я уж к сватам пойду, как водится. Коль доченькам хорошо, то и мне не будет худа. Глядишь, не останусь в бобылях – тоже выберу подругу...

– Вот и ладненько, – пропела Лиса. – Давно нам пора возвращаться в леса.

Поклон Кощею отдали и... со всех ног побежали. Тропками идолами, дорогой поясной домой, где жаждался их народ лесной.

Я – счастливая

Влесочке между большой, покрытой соснами горой, и Байкалом на краю полянки высилась муравьиная многоэтажка. Жильцов там видимо – невидимо. Это большая семья Агишки – маленькой муравьишки. Работой её сильно не загружали: подрастёт – намучится. А сейчас пусть учится. Но Агишке очень хотелось казаться взрослой и помогать старшим. Вышла она из муравейника, и перед ней открылся огромный зелёный мир, расцвеченный солнечными лучами.

– Вот это да! Не заблудиться бы...

Она, как под зонтиком, постояла под ромашкой с белыми лепестками. Из голубого колокольчика освежила себя водой. Полюбовалась далёкой от неё синей гладью моря. Пойти туда она не решилась. Подумала, что на сегодня гулянья хватит, надо возвращаться. Как вдруг увидела под брусничным кусточком большую белую хлебную крошку.

– Какая ж я молодец! Пропитание нашла. А говорят, что малышка ещё...

Обошла Агишка крошку со всех сторон. Выбрала удобный край и всем своим тщедушным тельцем упёрлась в неё. Крошка сдвинулась с места.

– Да-а, тяжёлая работа у братцев, – подумала муравьишка. – Тащить такую здоровень – силы много надо.

Она снова и снова налегала на свою находку, потихоньку передвигая её всё ближе к дому. Наконец так вымоталась, что уселась рядом с крошкой

и расплакалась: «Хотела, как взрослая, а силёнок-то нет».

А в муравейнике уже хватились Агишку. «Куда запропастилась? Беды бы не случилось». Братцы выглянули на улицу, чтобы усиками-антеннами поискать пропажу. И тут увидели: сидит их сестрёнка под кустиком травы и слёзы льёт. Побегали на помощь. У Агишки сразу мокрота с глаз пропала.

– Видите, что я достала? Долго катила, но сильно устала.

– Молодец, Агишка, даром, что маленькая. Зато удаленькая, – похвалил старший брат. – хороший на поляне нашла ты клад.

Вцепились они в хлебную крошку все вместе, и легко, словно пушинку, понесли в свой дом

– Хорошо, что у меня семья такая большая и дружная, – думала Агишка. – Не дадут пропасть и всегда помогут. Я – счастливая!

Не штука деньги

Встретились подружки как-то в магазине. Не видались после школы очень много лет. Сразу оглядели внимательно друг дружку – кто во что и как одет. Изменились, возмужали, жёнушками давно стали. Вера, как и прежде, скромность: куртка, брюки и берет. Сумка, полная продуктов – весь запасец на обед.

Ну а Жанна уже не Машка. Шубка греет ей бока. Пальцы в кольцах, ушки в серьгах – королевские замашки.

– Что-то ты, подруга, в жизни сильно упустила. Не того к себе в постель мужика впустила. Вот теперь и крутишься: работа, дети, дом. А о себе подумать? Поди, всё на потом... Нет, я себя всегда ценила. Работа – это не по мне. И муженёчка отхватила, чтобы не вошкаться в дерьме. Давно у нас коттеджик свой – с туалетом и водой. Имеем каждый мы авто – попадать везде легко. Есть ещё прислуга. Ну а я – лишь украшение супруга.

– А мне похвастать сильно нечем, – сказала Вера. – Но не ропщу. Достаток есть, любовь, детишки – вот счастье. Всё, что я хочу. Живём мы скромно, в старой «двушке». Но есть ведь вещи поважней. Муж мой военный, весь в работе. А я, конечно же в заботе. Весь день в архиве провожу – прошлое людям нахожу. Но это радует – ведь

нужной чувствуешь себя везде. Спасибочки за всё судьбе.

– Ой, всякое бывает в жизни. Вот встретит твой какую кралю... Тогда подумаешь про женский свой удел. Совсем уж станет не до дел. Лишь слёзы, да печаль и мука. Хоть не пришла б, храни тебя, разлука.

– Ну, развела ты, Машка, скуку. Придумала себе докуку. Поехали ко мне: чайку попьём, поговорим о том, о сём – про годы школьные, забавы – и, словно, молодость вернём? А то всё будни день за днём.

В квартирке чисто и уютно. Книг много и цветов. И фотографии юнцов. В футбол играют, рыбу ловят. А тут постарше – уж в погонах, мальчишескую бровь суровят...

Накрыла быстро Вера стол: конфеты, тортик и варенье. Чаёк душистый разлила. Издалека речь завела:

– Коль хорошо живёте так, чего дитё родить не хочешь? Не можешь, так возьми в припоте. И себе в радость, и другому счастье... Ты не сердись, но куклой быть при муже – большое, Машенька, несчастье. Машины, деньги, кольца – это красивость. А жизнь – великий труд. И для себя, и для людей. Да и для Родины своей. Чтоб все достойно у нас жили, работать надо, с разумом дружить. А не в прислугах у супруга быть. Ты не серчай, подружка: какую дружбу заведёшь, такую жизнь и поведёшь. Тебе учиться надо – ведь умница. А будет старание, будут и знания. Вот тогда уж станешь точно украшением мужчины: и красива, и умна, и горда вполне по чину.

Помрачнела Жанна- Машка. Огрызнулась:

– У всякой пташки свои замашки. Не тебе меня учить жизнь другую заводить. Поди «жаба» задавила? А мне слова твои, что мыло: на руки намазала, а потом и смыла. Чай хорош, за то спасибо. Мои денежки поют, вам покоя не дают. Между прочим за свой грош ты везде будешь хорош. – И пошла, махнув рукой или шубкой меховой.

Загрустила Вера сразу: ну дала подружка «газу». Жаль, не поняла всего. Лишь превосходства своего, придуманного ею, силу. Что тут подделаешь? Рак на горе не свистнет. А правда сама себя очистит. Жаль только глупому сказать – друзей терять. Но ведь, что лживо, то и гнило. И всё-таки не штука деньги, штука – разум. Поймут это люди, но только не сразу...

Коровьи напасти

Вполиции идёт «разбор полётов»: есть грабежи, в кюветы сколь улётов? Семейных ссор и НЛЮ залётов? Начальники все встали в ряд, и каждый о своём, подробно говорят. Главный за столом сидит и за ответами внимательно следит...

– Не вешать мне лапшу на уши, вас прошу. Докладывать лишь по-существу. И не курить. Уж еле тут дышу.

Все позажали в кулаках окурки, и разговор продолжился уже на предмет «шкурки».

– Вот вы, товарищ подполковник, за порядком совсем не следите. Слюдянка наша – полный коровник. На улицу хоть какую зайдите. Без ухода и

догляда коровы бродят, где им только надо. А следует штрафную стоянку им поставить, тавро на ухо с номером наладить. И адресок не помешал бы. Тогда хозяин «поплясал бы». Постоит коровка день – два. Одна. Потом её на мясокомбинат свезите. Вот так порядок наведите. Вы поняли меня?

– Да что тут понимать? И так всё ясно. Только дело то совсем не безопасно. За коровёнок этих без надлежащего закона нас побьют. Загородку из металла руками разовьют. Так что не могу принимать я меры, товарищ Паков. К сожаленью, нет на коровах номерных знаков.

Закона нет и по сию пору. Коров не затолкаешь в нору. А потому они гуляют, когда хотят и где хотят. Хотя им власти это не велят. А получается всё от того, что разработку сделать лень, закон навесить на плетень и проследить, чтоб выполнялось, чтоб положенье выправлялось. Кто должен это сделать? Простите, власти. От их бездействия наши напасти.

ВО ЩИ!

Летела незалётна птица, и вдруг яйцо вниз «бух». Образился в нём петух. Закричал:

– Кукареку – счас я имя нареку: злато, богато, сильно пернато...

Крикнула ему вниз птица:

– Ни одно не пригодится. Петухи тем хороши, что наваристы. Во щи!

«Не пуц-щать»!

Задумал Соловушка своё поднять умение. Полетел он в специальное на то учреждение. Там чинуши сидят маститые. А морды у них по моде – не совсем бритые. Зато гордыни хоть отбавляй – на свалку истории скорей отправляй. Только держатся они за неё мёртвой хваткой. Хотя похвастать не могут и доброй хаткой.

Встретили Соловейку холодновато. Мол, голос-то есть, да петь поздновато. Прилетел тот с утра пораньше. Посмотрел на него Осёл сквозь очки, послал подальше. Не сдался Соловушка, снова явился. Теперь уже к Волку. Тот подивился:

– Чего перед глазами у нас ты мелькаешь? Слушать посредственность силком заставляешь. Подумаешь – голос, а слуха-то нет. И не певец ты, друг, и не поэт.

– Я бард. Свои только песни пою.

– А ты вот исполни-ка песню мою. – Завыл тут Волк, аж мороз по коже.

– Нет. Твою песню, уж извини, мне петь негоже. Птичий мотив – он совсем другой. Может, послушаем все же вместе с тобой?

И стал Соловушка щебетать, потом руладами песнь украшать. Разлилась вокруг такая благодать – слушать бы, да слушать в сладость. Однако Волк твердил упрямо:

– Не песня это, скажу я прямо. Да и таланту – кот наплакал. Не столько пел ты, сколько звякал. А потому скорей лети до дому. У нас здесь место певцу крутому. Ты не дорос ни хваткой, ни деньгами. Уйди по-дружески, не будем мы врагами.

Полетел Соловушка, понурясь, в дом родной.
Синицу встретил: «Что-то ты смурной...»

– Таланта моего замечать не хотят. Приводят в пример каких-то котят...

– Ты дурням не внемли. А песни-то пой. Послушать твой голос рад будет любой. А у чинуш к тебе просто зависть. Не могут они так петь, как ни старались. Народ-то тебя по праву ценит и в талант твой очень даже верит.

Счастье без ума – дырявая сума

– Мы с тобою лишь друзья, – выговаривал Илья, обнимая крепко Таню на постелюшке за талью. Поцелуям несть конца удалого молодца. А речей, как сто свечей: – ты красива и стройна, ты умна и незлоблива, а хозяйюшка – на диво.

Удивилася Татьяна: «Коли я такая рьяна, замуж ты меня возьми и женою назови. Уж кака меж нами дружба, коли вместе спим давно, как супруги всё равно.»

Скосоротился Илья. Не туда пошла шлея. Сразу вдруг засуетился... а потом проговорился:

– Не могу тебя я взять, напусти хоть целу рать. Жёнка есть и есть детишки – два погодочка – парнишки.

Соскочила баба разом – ну выталкивать Илью: «Собирай свои портки, не вертайся взад пятки. Насмеял ты мне насмешку, припасу и я потешку. Обскажу всё курице, она – цельной улице. И весь твой обман оттянет до долу карман.»

- Погоди, ты, балаболка. Ведь любила со мной. Мил тебе был гость ночной...

- А теплилася надежда, что за медовыми речами серьезны будут и дела. Так что в зубы удила, и пошёл... мой конь ретивый. Где ещё взмахнёшь ты гривой? Только помни мой наказ: дружиться, ты оно дружись, а вот за совесть-то держись. Ведь жена - не рукавица, скинуть с пальцев не годится. И не все мы - бабы сладки на вас речистых дюже падки: не на любой поскачешь. Над нами посмеёшься, а над собой поплачешь.

Содержание

В добрый путь!	3
Рассказы	
Оберег.	7
Зойкино оружие	14
Апокалипсис.	18
Ночная тревога	20
Грешники	25
На закланье	33
Была у собаки хата....	40
Фантастика	
Тайна моря.	44
Откуда не ждали	60
«Кино» из окошка	65
ОПЕРАЦИЯ	73
Сказки	
Ветер и музыка	77
Мирошкина заноза	78
Капкан для Кощея	88
Я – счастливая	99
Побасенки	
Не штука деньги	101
Коровьи напасти	103
«Не пуц-щать»!	105
Счастье без ума – дырявая сума	106

Лариса Ивановна Осокина

ТАЙНА МОРЯ

Издательство «Оттиск»

Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 17.08.2012 г. Формат 84/108/32.

Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 6,2.

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Тираж 200 экз. Заказ № 349.

Отпечатано в типографии «Оттиск»

664025 г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28. Тел.: 34-32-34, 241-242.

E-mail: ottisk@irmail.ru